

Изгнанники

Автор:

Максим Удовиченко

Изгнанники

Максим Удовиченко

Диана Д. Удовиченко

Зеркала судьбы #1

Эльф Лэйариел не сумел стать великим чародеем, и от него отказался родной отец. Орка Мара, по прозвищу Бешеная, не желала жить по древним законам, и старейшины изгнали ее из племени. Куда пойти скитальцам, где попытать удачи? Конечно, в человеческих землях. Но люди жестоки к чужакам. За право оставаться собой, а не стать послушным орудием в руках власть имущих изгнанникам придется сражаться. Они незнакомы, но их судьбы странным образом связаны. Две истории, два путника и одна дорога в зеркалах...

Диана Удовиченко, Максим Удовиченко

Изгнанники

Благодарим журналиста Гордана Немышева – за кропотливую вычитку и конструктивную критику нашей книги, писательницу Галину Ли – за помощь в разработке идеи разумной плесени и способов борьбы с нею.

Авторы

Пролог

В распахнутое окно врывалась летняя ночь, властно заявляя о своих правах. Она трепетала на крыльях серых мотыльков, кружившихся вокруг колпака лампы, теплым ветром шевелила легкие шелковые шторы, несла аромат фиалок и жасмина – царила и ворожила, нашептывала о тайных желаниях и сладких мечтах.

Но мужчина и женщина, уединившиеся в небольшой уютной спальне, казалось, не замечали призывного очарования этой ночи. Слишком важен для обоих был предстоящий разговор.

– Ты подумал над моим предложением? – спросила девушка.

Она сидела на краю огромной кровати – спина идеально прямая, тонкие руки скромно сложены на коленях. Но чинная поза и простое дорожное платье не могли скрыть изящества ее фигуры и нежной красоты юного лица, обрамленного пышными белокурыми локонами. Ее собеседник, широкоплечий коренастый человек лет пятидесяти, медленно прохаживался по комнате. Время от времени он останавливался, словно раздумывая, куда присесть, но не решаясь этого сделать. Его лицо – гладко выбритое, холеное, с крупным аристократическим носом, жесткой надменной линией губ и твердым волевым подбородком – лицо человека, привыкшего повелевать, – сейчас выражало некоторую растерянность. В ответ на слова девушки он неожиданно мягко улыбнулся, отчего вокруг холодных голубых глаз собрались морщинки, делающие взгляд добродушным.

– Ты фантазерка, Мелодия.

– И все же? Поверь, Леон, это позволит сделать тебя непобедимым.

– И даст тебе возможность экспериментировать...

– Пусть так. Но и бездействовать мы не можем. Мой план рассчитан на пять лет. Если все пойдет так, как задумано, первые результаты появятся уже через три года.

Опускаясь в кресло, мужчина вздохнул:

– Это чистой воды авантюра, пусть и тщательно продуманная, проработанная до мелочей. Ты опираешься лишь на теорию, которая противоречит классической магической науке.

– О магической науке позволь судить магам, – фыркнула Мелодия, презрительно сощутив карие глаза, в которых плясали лукавые искорки. – Все получится. От тебя требуется лишь дать приказ и выделить средства из казны.

– Ты уже нашла хоть одного?

– Мы опробовали систему поиска в одном из больших городов. Наш человек нанес визиты местным дворянам, незаметно проверил их старших детей и обнаружил юношу с бесспорными задатками. Среди студентов академии найден еще один. И это мы еще не занимались школьниками и малышами, а также не дошли до простолюдинов. Так что результаты обнадеживают.

– Волшебники – народ непредсказуемый, – недоверчиво протянул Леон.

– Вот поэтому ты должен собрать вокруг себя самые непобедимые силы, пока этого не сделал кто-нибудь другой! А уж средства обеспечить их безусловную преданность найдутся.

– Хорошо. Воспитать верных слуг из детей и юношей нетрудно. Все это я прочел в твоём докладе. Но в нём нет ни слова о взрослых. А ведь есть и такие.

– С ними будем работать по отдельной схеме. Выискивать по всей империи, раскрывать их способности, обучать. И привязывать крепкими узами.

– Но нельзя же проверить каждого жителя империи!

– У меня имеются свои методы, – усмехнулась девушка.

Порывисто вскочив с кровати, она подбежала к креслу и опустилась на пол возле ног мужчины, снизу вверх заглядывая в его лицо.

– Соглашайся, Леон!

– Хорошо! – Он шутливо поднял ладони, словно сдаваясь на милость победительницы. – Только один вопрос: как ты собираешься обойти судьбу?

– Я сама стану судьбой!

Леон рассмеялся:

– Фантазерка! Это невозможно, девочка, ты же знаешь.

– И все же я попробую, – улыбнулась красавица, легко поднимаясь на ноги. – Мне пора, мой лев.

Мелодия прикоснулась к щеке Леона поцелуем, потом подошла к стене, раздвинула шелковые драпировки, под которыми обнаружилась низкая дверца, и скрылась за нею.

Потайные коридоры и лестницы, тянущиеся через весь дворец, вывели девушку к подземному ходу. Сотворив небольшой розоватый огонек, шаловливо плясавший на ее ладони, волшебница бесстрашно зашагала по длинному каменному туннелю, потолок которого были высокими и сводчатыми, а мозаичные украшения на стенах сделали бы честь любому храму.

Ход заканчивался за городом, в подвале небольшого особняка. Это старинное здание, связанное с дворцом, подарил Мелодии сам император. И всякий раз, приезжая в столицу, она останавливалась здесь.

Чародейка вышла из подвала и поднялась в комнаты. Час спустя, свежая и нарядная, она выпорхнула из дома, пересекла широкий двор и остановилась перед приземистым зданием, напоминавшим казарму или конюшню. Оно представляло собой сложенную из камня коробку, в которой не было ни одной двери. Мелодия прошептала короткое заклинание, и на глухой стене засветилось зеленое продолговатое пятно. Девушка приложила к нему ладонь, подождала секунду, и камень перед ней истаял, образовав арку прохода. Волшебница шагнула внутрь, где ее встретил красивый черноволосый юноша в черной одежде.

– Как она? – коротко спросила Мелодия.

– Еще жива, леди.

– Хорошо. Не беспокой нас.

Согнувшись в поклоне, страж подал связку ключей. Девушка двинулась в глубь здания, состоявшего, казалось, из одних дверей, каждая из которых была заперта на хитроумный замок. Наконец, открыв последнюю из них, Мелодия оказалась в тесной камерке. Здесь не было окон, воздух поступал через маленькое, не больше двух дюймов в диаметре, зарешеченное отверстие под потолком. Из обстановки в помещении имелся лишь узкий топчан, стоявший возле стены, на котором, скрючившись и с головой накрывшись красной тряпкой, лежал кто-то маленький и хрупкий.

– Здравствуй, Кай-на, – произнесла Мелодия.

Ответом ей был короткий, полный муки стон.

– Ну-ну, – проворковала волшебница. – Не стоит прятаться от меня, милая. Открой лицо.

Немного подождав, она сама сдернула покрывало с обитательницы убогой комнаты.

– Поговори со мной, Кай-на.

Маленькая худая женщина, вздрогнув, уселась на топчане. С бледного до прозрачности лица, окруженного сосульками бесцветных волос, на Мелодию смотрели огромные красные глаза. Тяжелые кандалы, сковывающие руки и ноги странного существа, отзывались лязгом на каждое движение. Женщина заговорила, ее голос оказался неожиданно глубоким и бархатистым:

– Чего тебе еще нужно, безбожница?

– Ты знаешь, – открыто улыбнулась девушка.

– Я больше ничего не скажу тебе...

– Напрасно ты не хочешь сотрудничать с нами, Кай-на, – удрученно проговорила Мелодия. – Этим ты обеспечила бы себе свободу и богатство.

– Дети свободного племени служат только Лак'хе.

– Не упрямясь. Ведь тебе прекрасно известно: я все равно заставлю тебя видеть и рассказать об увиденном мне.

– Не делай этого! – прошептала женщина. – Ты ломаешь дороги судьбы. Из-за тебя многие не пройдут предназначенный им путь...

Чародейка достала из-за широкой манжеты крошечный пузырек.

– Зелье Беспамятства. Еще один прием может убить тебя. Может быть, передумаешь и согласишься помогать нам добровольно? Тогда я освобожу тебя и поселю в моем доме. Ты ни в чем не будешь нуждаться, твои услуги будут достойно оплачены.

Кай-на отрицательно покачала головой:

– Мы не предаем Лак'ху.

– Жаль... – вздохнула Мелодия.

Раскупорив склянку, она схватила пленницу за волосы, с силой оттянула ее голову назад и влила зелье в страдальчески искривленный рот. Кай-на захрипела и упала на топчан. Ее лицо судорожно исказилось, глаза закатились. Тело выгнулось дугой, словно в припадке столбняка, потом содрогнулось и безвольно обмякло. Волшебница поморщилась: она не любила наблюдать за чужими мучениями. Прикоснувшись кончиками пальцев к шее несчастной и убедившись, что та еще жива, девушка спросила:

– Что ты видишь?

Узница всхлипнула и что-то неразборчиво пробормотала. Мелодия нагнулась к ее лицу, внимательно прислушиваясь к горячечному шепоту, изредка задавая короткие вопросы:

– Где? Так... Что еще? Ты уверена? Когда?

Наконец одурманенная женщина замолчала. Волшебница снова проверила пульс и, не ощутив биения, проговорила:

– Мне искренне жаль, Кай-на. Но ты была так упряма...

Подняв с пола тряпку, служившую пленнице одеялом, Мелодия хотела было накинуть ее на умершую. Но вдруг из груди женщины вырвался вздох, похожий на всхлип, красные глаза повернулись в орбитах и уставились прямо в лицо чародейки. Худые пальцы с длинными кривыми ногтями вцепились в запястье девушки, с невероятной силой сдавили его, причиняя боль. Кай-на вновь заговорила, но жуткий гулкий голос, звучавший из ее рта, казалось, принадлежал какому-то другому существу:

– Бойся зеркал. Однажды Лак'ха явит тебе из них свой лик. И это будет его уродливая половина...

На одно короткое мгновение Мелодия ощутила укол страха. Потом, придя в себя, вырвала руку из цепких пальцев, выкрикнув презрительное:

– Я не боюсь твоей богини!

Тело Кай-на дернулось и замерло. Теперь она действительно была мертва. Чародейка прикрыла ее и вышла из каморки. Вернувшись туда, где ждал ее черноволосый страж, приказала:

– Убери там. И отыщи новую провидицу.

Глава 1

Лэй

Новый день, как обычно и делает этот подлец, застал меня в пути. Хорошо хоть двигался я не по самому оживленному тракту. Бедный мой ослик Ричард изнемогал от жары и постоянно косился на меня с таким осуждением, будто я был виноват во всех грехах этого мира! Меня и самого уже начала утомлять эта духота. И хотя телосложения я не богатырского, потому и потею не так сильно, но все равно уже подустал. Даже начал бояться, как бы со мной удар не приключился.

Тракт, по которому я был вынужден ехать... да, именно вынужден – из-за глупой истории, случившейся в маленьком городке, который я оставил за спиной. Как бы это по-идиотски ни звучало, меня обвинили в краже. Конечно, едва что-нибудь случается, а бестолковая стража заходит в тупик, проще всего свалить все на незнакомца: мол, путешественники редко случаются в этих краях, тем более такие подозрительные. Тьфу... Чтоб их всех, разжиревших боровов, называющих себя стражами порядка! Только и способны, что налоги с горожан сдирать да взятки брать.

Остановился я тогда в самом дешевом трактире – денег на большее не имею, потому что живу вечными скитаниями, задерживаюсь ненадолго в городах да подыскиваю себе какую-нибудь работенку. Где мешки потаскаю, где полы помою – тем и пробавляюсь.

Я снял в тот день комнату за пару медяков в сутки. Клопы, конечно, с ладонь величиной, но мне не привыкать. Вышел из трактира и отправился, как всегда, искать заработок. Городок оказался мортовски маленьким, унылым и бедным, работы я, как назло, никакой не нашел. Возвращался очень уставший и злой. Было прохладно, и я натянул капюшон плаща до самого носа. Когда я уже стоял у входа в трактир, дверь резко распахнулась, прямо на меня вылетел какой-то тощий субъект. На нем был точно такой же, как у меня, серый плащ с закрывавшим лицо капюшоном. Доходяга даже и не подумал остановиться и на всем ходу сбил меня с ног. Удар выбил весь воздух из легких. Я вскочил и собрался, значит, охарактеризовать его выражением покрепче, да не успел: пятки парня уже сверкали в конце переулка. Тут еще на улицу выскочил трактирщик с диким криком: «Ловите вора!» И все бы ничего, да как раз из-за угла показался патруль, совершавший вечерний обход. Стражи порядка застыли на секунду, наблюдая любопытную картину: орущего трактирщика и растерянного худющего типа в грязной одежде. Наконец, оценив увиденное, они бросились к нам, и явно не для того, чтобы расспросить меня как свидетеля... Что мне оставалось делать?! Пришлось рвануть что есть силы в

противоположную сторону: стражников хлебом не корми, дай засадить невинного за решетку. Даже следствия не будет, рубанут мне голову мою светлую и напишут потом в рапортах: так и так, мол, задержали очень опасного преступника, оказавшего сопротивление представителям властей.

Убежать-то я сумел, спрятался в лесу за городом, а на следующий день тихонько вывел Ричарда. Вот так опять и оказался в пути. По оживленному главному тракту идти побоялся – мало ли, вдруг стража на посты обо мне сообщила.

С обеих сторон дороги, по которой я шел, тянулся довольно густой лес. Сама дорога была неровная, Ричард уже несколько раз спотыкался и чихал от пыли, которая витала в воздухе серыми клубами. Я начал подумывать о том, чтобы пробраться в лес, найти какой-нибудь ручеек да полянку, отдохнуть и перекусить тем, что отыщу в чаще. Запасы мои давно иссякли. Но, видимо, боги решили, что планам моим сбываться не следует, потому что вдруг я услышал пронзительный женский крик, который тут же резко прервался. Раздался он примерно ярдах в ста от меня, за поворотом. Морт! Как бы опять во что не вляпаться! Но меня словно кто-то толкал вперед. Привязав Ричарда к ближайшему дереву, я вытащил из походной сумки порядком проржавевший короткий меч и, скрываясь между деревьями, отправился посмотреть, что же там такое стряслось. Минуту спустя я выглянул из-за толстого дуба и увидел примерно то, что и предполагал – на земле полулежала молодая девушка, а над ней стояли два здоровых детинушки. Один поигрывал ножом, а другой подкидывал в руке небольшой кошель.

– Ну что, Стезя, кончай ее да пойдём. Негусто, конечно, но на пиво хватит. – Грубый голос разбойника неприятно резал ухо.

– Да подожди, я развlechься хочу! Ты посмотри, девка-то ничего, – сказал второй, покосившись при этом на несчастную, словно сам желал удостовериться в своих словах.

– Эх, опять ты за свое, кобель похотливый. Ну давай, только скорее.

И почему мне всегда так не везет? Наткнулся же на этакое зрелище! Не мог я оставить бедняжку в таком отчаянном положении, а потому, надеясь только на чудо, вышел из-за дерева. Душегубы заметили меня не сразу, и по тому, как округлились их глаза, было понятно, что они удивились этакому бесстрашию,

граничившему со слабоумием.

– Это что еще за герой?! Борка, замочи-ка его по-быстрому.

– Да с удовольствием! – рыкнул парень, засовывая кошель в карман.

Здоровяк двинулся в мою сторону, лихо размахивая внушительного вида ножом. Когда до меня оставалась пара ярдов, он сделал резкий выпад, метясь в сердце. Неизвестно на что надеясь, я шагнул вперед и нелепым, неловким движением ткнул своей ржавой железякой куда-то в район его горла. Руку обожгла резкая боль, и я подумал, что мне конец. Но странно, каким-то чудом я попал туда, куда рассчитывал. Разбойник остановился, словно с разбегу налетел на невидимую преграду. Кровь ручьем хлестнула из продырявленной глотки. В пыль упало уже бездыханное тело, на мертвом лице застыло болезненное удивление. Затем я сотворил первое, что пришло на ум, – повинаясь короткой формуле и легкому движению кисти, корни росшего здесь повсюду сорнякового растения впились в подошвы второго грабителя, не давая ему возможности резко вскочить.

– Ах ты гребаный эл!.. – вскричал любитель легкой наживы, но не успел договорить и повалился на землю, закатив глаза.

Меч, который я в него швырнул, угодил рукояткой прямехонько в лоб. Я резво подскочил к распростертой на дороге туше неудавшегося насильника и, схватив оружие, воткнул ему в сердце. Грязное это дело – добивать человека, но собственная жизнь дороже. А не то очнется, решит еще отомстить за своего товарища – и бегай потом по лесу, скрываясь от этого здоровяка.

Обессиленный, я уселся на землю рядом с поверженным телом. Не каждый день испытываешь такое. Можно сказать, что выжил чудом. Руку ощутило саднило. Покосившись на предплечье, я увидел, что под разодранным рукавом краснеет глубокий порез. Да, больно, конечно, но жить буду. Надо только обработать, приложить кое-какие травки – и через недельку заживет, даже шрама не останется.

Справа от меня на земле все так же сидела девушка, которой, наверное, сегодня повезло даже больше, чем мне. Судя по ее поведению, она пребывала в прострации. Глядя поочередно то на меня, то на трупы, видимо, до сих пор не могла осознать произошедшее. Наконец все-таки решила, что внимания

мертвецам уделено достаточно, и остановила вопросительный взгляд исключительно на моей скромной персоне.

– Ну что уставилась, эльфов никогда не видела?! – прервал я затянувшуюся паузу.

– Ви... видела, – промямлила она.

Да, удивительно логичный ответ! Ладно, надо кончать с этим идиотизмом:

– Вставай, пойдем. – Я поднялся на ноги.

– Куда? – И без того большие глаза девушки испуганно расширились.

– Надо пройти в лес, отыскать подходящее место, поесть и отдохнуть. Или ты хочешь дальше тут сидеть? – Как я и думал, девчонка сразу же вскочила, всем своим видом показывая, что готова отправляться.

Я выдернул из трупа меч, кое-как вытер его и принялся обыскивать тела преступников. Вернул девушке ее кошелек, за что заработал благодарный кивок. Нашел еще несколько медяков. Да, не густо, хотя не могут же быть карманы мелких грабителей набиты золотом. Забрав Ричарда, мы двинулись в лес. Через несколько минут деревья расступились и явили нашему взору небольшую поляну, вполне пригодную для отдыха, тем более что неподалеку журчал ручеек.

– Ты здесь уже бывал? – Я задумался и даже вздрогнул от неожиданности, когда прозвучал звонкий голосок девушки.

– Нет.

– А почему ты так уверенно шел? Как узнал, что здесь должна быть поляна?

– Я хоть и бездарь, но все-таки эльф и лес слышу.

Мой ответ оказался ей непонятен:

– Это как? И почему бездарь?

– А вот так! – Меня уже понемногу стали раздражать все эти глупые вопросы. Может, зря ее спас?

Поняв, что объяснений от меня не дождешься, она обиженно замолчала. Отлично, хоть мешать не будет. Я принялся готовить привал: сходил за водой, собрал разные травы, чтобы подлечить руку. Выкопал пару уже созревших клубней медвежатника, несколько ароматных корешков для приправы, нашел целую семейку крепеньких белых грибов, нарвал спелых масляных орехов – похлебка должна получиться на славу! Обработал порез, потом развел костер, повесил над ним котелок, чтобы приготовить обед. Все это время девушка молча наблюдала за мной. Хорошо, что не порывалась помочь – не люблю, когда под ногами путаются. Занимаясь нехитрыми делами, я понемногу успокоился и, когда мы уселись возле костра, первый решил нарушить молчание:

– А как тебя зовут-то? – должен же я знать, кого спас.

– М-м... Люсия, – с запинкой ответила девушка. Оно и понятно, такие приключения кого хочешь заикаться заставят.

– А я Лэй, приятно познакомиться. Ладно, Люсия, скажи мне вот что: куда это ты шла по такой безлюдной дороге, да еще и без спутников?

– В Релот. Сама я родом из Подлеска. Мой отец недавно умер. Матушки давно уже нет в живых. Замуж я выйти не успела, осталась совсем одна. А теперь и приданого нет, не возьмет никто. Все деньги, что были, ушли на лечение отца. Вот и решила перебраться в город побольше, устроиться где-нибудь прислугой и зарабатывать себе на пропитание, – скороговоркой выложила она.

Подлесок – мерзкий городок, в котором я чуть головы не лишился... Ага, конечно, много кто так перебирается в города побольше в поисках лучшей доли. Вот только прислуги везде хватает, а чтобы получить работу горничной в приличном доме, требуются рекомендации. Молоденьким девушкам только и остается, что торговать собой. Проституция, конечно, запрещена законом, но правительство особо не старается искоренить ее. Скорее всего, считает, что должны быть какие-то радости у обычного рабочего люда. Пришел в трактир после тяжелого трудового дня, выдул несколько кружек пива да заказал себе девицу. Тут и

бунтовать не захочется. Разумно, спора нет. Но как-то... безысходно, что ли.

– А ты здесь что делаешь? – прервала мои размышления Люсия.

– Ну я путешествую.

– Нет, ты не понял! Что такой, как ты, делает вдали от дома?

Дом... Я старался не вспоминать о том, что он когда-то был у меня. Обычно пытался прогнать эти воспоминания, но не всегда получалось. В такие моменты мне хотелось взять веревку и повеситься на ближайшем дереве. Но меня всегда что-то останавливало – наверное, жажда жизни, если, конечно, можно назвать мое позорное существование жизнью. Интересно, она и вправду думает, что я ей все сейчас выложу? А хотя... Почему бы и нет? Вдруг мне станет легче, если я кому-нибудь выговорюсь. После того как я отведу девушку в город, вряд ли увижу ее снова, так что ничего не теряю и не приобретаю. Да и было в ее виде и голосе что-то такое... завораживающее, из-за чего хотелось рассказать ей все.

– Ладно, слушай... – Похлебка дошла до нужной кондиции, и я разлил ее по деревянным мискам, которые всегда болтались на дне моего дорожного мешка. – Рассказывать буду долго, надеюсь, не заснешь. Как ты уже поняла, родом я из Даллирии. Бриллиантовый лес прекрасен, о красоте его слагают легенды. Во главе эльфийского государства почти четыреста лет стоит светлейший князь Ривиэль Пятый. Собственно, его прадед и издал указ, благодаря которому я здесь нахожусь.

Родился я в довольно знатной и небедной семье. Отец мой был дворянином средней руки и очень талантливым живописцем – несколько его картин даже нашли свое место во дворце светлейшего князя. Конечно, произведения отца пользовались успехом, но истинной его мечтой была магия. Еще в детстве он мечтал стать великим волшебником, хотел ощущать всю мощь эльфийского леса, заручиться поддержкой сильнейших духов и повелевать животными. Судьба распорядилась иначе, и отец стал художником. Но мечта оставалась с ним, и, когда родился я, он сразу поверил: вот он, шанс на осуществление его надежд. Решил, что уж его-то сыну точно суждено стать могущественным чародеем. Когда мне минуло десять лет, отец отдал меня на обучение в храм Листвы, откуда начинают свое восхождение к вершинам мастерства все эльфийские маги. В каждом эльфе живет искра Бриллиантового леса, но не

каждый может раздуть из нее пламя. Учеником я был средним, не выбивался вперед, но и не плелся в хвосте.

Одиннадцать лет длилось мое пребывание в храме, и по истечении этого времени наступил момент выбора. Я должен был либо продолжить обучение и стать средним волшебником без выдающихся способностей, либо пройти священный ритуал, который придумал прадед Ривиэля Пятого. Ритуал этот выявлял истинный талант, но не обязательно к магии, а к любому виду искусства: живописи, литературе, указывал даже на потенциальных лекарей, ученых, политиков, мастеров военного дела. На него имели право только отпрыски дворянских родов. Каждый выдержавший эту своеобразную инициацию обязан был следовать указанному предназначению. Мой отец тоже когда-то прошел через обряд, и у него открылся дар живописца, уничтоживший его мечту. Когда мне исполнился двадцать один год, в семье было решено, что я должен выдержать испытание, как выдержал его мой отец и отец моего отца. Только вот существовало одно «но»: если никакого таланта у прошедшего обряд не выявлялось, весь его род покрывался позором.

– Но почему? – Глаза Люсии изумленно округлились.

– Как тебе объяснить? Наши традиции трудно поддаются человеческому пониманию. Считается, что эльф, решившийся на ритуал, уже как бы во всеуслышание заявляет о своей избранности. Ну а если у него не обнаруживается выдающихся способностей, он становится смешон. И не только он, но и вся его семья. А это для любого жителя Даллирии – хуже проклятия. У моего народа, увы, нет чувства юмора. Зато в избытке древних обычаев, чтоб их...

– Ты странно говоришь, – хихикнула Люсия. – Не знала, что эльфы могут так выражаться...

– Какой я теперь эльф? Так, бродяжка... Так вот, у родителей такого неудачника имеется два выхода: терпеть всеми презираемого, лишеного права на дворянство и наследование отпрыска или изгнать его, тем самым сохранив лицо и репутацию. М-да... Наконец настал знаменательный день. Меня привели в священную дубовую рощу, посадили в центр очерченного круга. Появился взывающий маг. Надо сказать, само действие проходит очень просто и быстро: волшебник, который его совершает, как-то по-особому обращается к лесу, тот проверяет испытуемого и возвещает о его предназначении. Здесь главное –

уметь слышать лес. Потом уже маг передает радостную весть родным или очень их огорчает. К несчастью, я попал под второй случай: никакого, даже самого завалющегося дара у меня не выявилось.

Отец был просто убит этой новостью. Вернувшись домой, он сразу заперся в своих покоях и не выходил оттуда месяц. Я боялся обратиться к нему, потому что понимал: теперь я позор для своего рода. Матушка тоже не решалась его потревожить, хотя и жалела меня. Ни в одном поколении нашей семьи не случалось еще такого конфуза. Тридцать дней прошли, как в дурном сне. Я много размышлял о своем будущем. Мне предстояло лишиться дворянства и жить как все обычные, неродовитые эльфы, самому зарабатывать на существование. Но мне даже в голову не приходило, что может произойти нечто иное, куда хуже того, что я себе представлял. Однажды утром отец вышел из своих покоев и, не говоря никому ни слова, прошел в кабинет. Затем он вызвал слугу и велел отвезти какое-то письмо светлейшему князю.

На следующий день отец нашел меня в столовой, и единственное слово, которое я от него услышал, оказавшееся последним, было: «Прощай». Вечером в наш дом явилась стража и, зачитав указ князя об изгнании, велела мне собираться. Меня отвели к границе Бриллиантового леса и отпустили. Отныне дорога в родную страну была мне заказана. Так я оказался один в незнакомом краю, без средств к существованию и каких-либо планов на дальнейшую жизнь. Первой мыслью было покончить с собой. Кстати, это могло быть логичным выходом из ситуации, я поступил бы по-дворянски, так сказать. Как правило, изгнанные эльфы так и делают. Тогда о них говорят, мол, они смыли позор собственной кровью. Но что-то остановило меня и по сей день останавливает. Наверное, я просто-напросто очень хочу жить, и неважно даже, как. Вот, собственно, и все...

Говорил я долго, около часа. Когда рассказ подошел к концу, над поляной растеклось напряженное молчание, во время которого каждый из нас думал о чем-то своем. Люсия, наверное, осмысливала мою историю. А я украдкой разглядывал свою новую знакомую. Присмотревшись повнимательней, понял, что она очень красива: скромное платье из дешевой ткани не могло скрыть изящную фигуру, а чистую нежную кожу лица не портила даже бледность, еще не сошедшая после пережитого. Белокурые волосы, стянутые в тугий пучок, испачканы в пыли. Но если их отмыть, то они станут просто великолепны. С прелестного, с тонкими чертами лица на меня взирали большие, немного печальные темно-карие глаза. Да... Если ее переодеть, вымыть и причесать, получилась бы настоящая аристократка, утонченная и прелестная. Такая на

любом балу станет открытием, мужское внимание будет устремлено только на нее, а все женщины надуются от зависти. Жаль будет, если ей придется продавать себя. Она заслуживает лучшей доли...

- И долго ты уже бродяжничаешь? – прервала Люсия мои размышления о прекрасном.

- Ну примерно пять лет. Перебираюсь из одного поселения в другое, долго на одном месте не задерживаюсь, все куда-то иду.

- А ты никогда не хотел осесть, найти постоянную работу и жить себе спокойно? – Голос ее был наполнен сочувствием... не люблю, когда меня жалеют.

- Да я ничего не умею! Никакого ремесла не знаю, оружием не владею, куда ж я подамся?!

- Прямо-таки никакого? А как же магия Листвы? – Красотка хитро прищурила глаза.

- Да какая магия?! Так, дешевые фокусы... бездарь я, бездарь! Взгляни правде в глаза! – Ух, и приставучая же особа!

- Согласна, для своих ты бездарь, по сравнению с вашими волшебниками. Но ты никогда не задумывался о том, что люди не способны сотворить и тех мелочей, которые доступны тебе? Человек владеет только магией стихий. Да, он может устроить небольшой дождик, сказать, где почва более плодородна, но никогда, слышишь, никогда он не сможет понять растения, попросить их расти! Понимаешь, к чему я клоню?

- Ты хочешь предложить мне заняться сельским хозяйством? – съязвил я.

- Да! В Релоте, куда я направляюсь, есть магическая академия, которая заинтересована в новых студентах. Это твой шанс. Ты для них будешь, конечно, не самой блестящей, но все же находкой. Поступишь, получишь новые знания, вспомнишь то, что изучал в этом своем храме, – и вперед, помогать крестьянам. Конечно, не разбогатеешь, но устроиться можно прилично, голодным и босым не останешься: крестьяне – народ благодарный, – продолжала убивать меня своим

оптимизмом Люсия.

– Да кто ж меня туда примет? И на что я буду жить во время учебы? Ты хоть понимаешь, что занятия магией забирают все свободное время и на подработку его не остается?

Меня уже начал утомлять этот спор, но Люсия задавила мое сопротивление последним аргументом:

– Это тоже не беда! Нынешний император Леон Третий заботится о процветании страны и жертвует очень большие деньги из казны в фонд развития магических академий. Он понимает, что будущее за магией. Вот поэтому для бедных учеников существует стипендия, на которую вполне можно прожить, и предоставляется временное жилье.

А ведь и правда, над этим стоило задуматься. Перспектива вырисовывалась довольно привлекательная. Я устал от скитаний. Может, и правда, поступить в академию, восстановить свои умения? Начну зарабатывать, заживу наконец нормально. Релот – город большой, это тоже радовало: если в маленьких городках или деревнях эльфы в диковинку, то в крупных длинными ушами никого не удивить. Ну а если вдруг что-то пойдет не так, то всегда можно вернуться к прежнему образу жизни. Никто меня удерживать не станет. Решено! Завтра же направлюсь в Релот и попытаю судьбу, может, Лак'ха и покажет мне наконец свой светлый лик.

– Ну ладно, ты меня убедила. – На моем лице против воли расцвела мечтательная улыбка.

– Вот видишь, не все так плохо! – улыбнулась в ответ Люсия.

Мы еще долго разговаривали о магии, Бриллиантовом лесе, об империи и многом другом. Я теперь смотрел на собеседницу совсем другими глазами: она была очень образованна и могла поддержать разговор на любую тему. И так увлекся, что ни разу не задумался: откуда у простой девчонки, желавшей наняться в служанки, столько познаний? За беседой мы не заметили, как совсем стемнело. Я подкинул немного дров в огонь, достал из сумки старенький запасной плащ и дал его Люсии – не спать же ей на голой земле. Лежа на своем плаще, я еще долго размышлял об открывшихся перспективах, потом уснул под ночную

музыку леса и мерное потрескивание костра. Теперь я знал, куда мне надо двигаться, и впервые за долгое время четко видел реальную цель...

...Пробуждение было приятным. Проснулся я от теплых лучей, пробивающихся сквозь листву и падающих на мое лицо. Атик только взмог. Мне не хотелось сразу вставать, и я решил еще немного полежать с закрытыми глазами. Да и Люсии надо было выспаться, вчера она перенесла серьезное потрясение. Утро было и вправду чудесным. Как же приятно слышать лес! Ощущать его настроение. Человеку никогда не понять этого чувства. Это сложно описать словами. Будто слышишь и видишь все сразу и по отдельности одновременно. Я знал, что вековому дубу примерно в полулиге от нас осталось жить совсем немного, но он не горюет и готов принять смерть – ведь в природе ничто не исчезает бесследно. Ощущал, как в паре лиг от нас скорбит волчица, вчера потерявшая одного из своих волчат. Слышал, как птица, что щебечет на соседнем дереве, поет приветствие новому дню. Но все эти ощущения сливались в одно – дыхание леса, его сердцебиение, – можно называть по-разному, но это все равно лишь слова, не передающие и десятой доли восторга, наполнившего душу. В такие моменты я забывал о своих бедах и радовался, что мне было суждено родиться эльфом. И наверное, ради этого стоило просыпаться день ото дня.

Насладившись утром в полной мере, я принялся размышлять о вчерашнем разговоре. И почему сам не догадался сделать так, как мне порекомендовала Люсия? Думаю, понятно. Осознание того, что я позор для своего рода, бездарный волшебник, засело в голове настолько глубоко, что даже и мысли не возникало как-то изменить свое существование к лучшему. Наверное, я боялся – боялся снова удостовериться в том, что являюсь ничтожеством. Но так не могло продолжаться вечно! Пора было доказать себе, что я способен жить нормальной жизнью и зарабатывать на хоть и скромное, но достойное существование. «Ладно, хватит отлеживаться, надо собираться – и в путь», – сказал я себе, открыл глаза и громко проговорил:

– Подъем!

Лес приветствовал меня хрустальным сиянием росы в полураскрывшихся чашечках цветов, осторожным прикосновением розоватых лучей Атика, которые с трудом пробирались сквозь густую листву деревьев, окружавших маленькую полянку и смыкавших над ней свои могучие кроны. Я огляделся. Хм... Кроме меня и дремлющего Ричарда, на поляне больше никого не наблюдалось. Куда

подевалась Люсия? Я позвал девушку по имени, но ответа не последовало. Этот факт меня озадачил. Я принялся осматривать поляну. Отправилась в город в одиночку? Тогда на траве должны были остаться следы ее ног, неразличимые для человека, но вполне заметные для эльфа. Может, конечно, я плохой следопыт (ну да, бездарь ведь!), но так ничего и не обнаружил. Словно Люсия воспарила в воздух и улетела. Второй плащ совсем не был помят, будто на нем никто и не спал вовсе. Что за мортовщина! Ну не могла же она просто взять и исчезнуть? А может, она и вовсе плод моего воображения или все происходящее – сон? Чтобы удостовериться в обратном, я от всей души себя ущипнул и прокомментировал:

– Больно...

Да и не могла она быть лишь порождением моего воспаленного сознания. Ведь порез, оставшийся после драки с разбойниками, оставался на том же месте и еще болел, хотя рана уже начинала затягиваться. Из-за кого я вчера жизнью рисковал, спрашивается? Может, это одна из богинь решила погулять среди смертных? Я, конечно, помнил рассказы завсегдатаев дешевых таверн о том, как боги снисходят до обычных земных существ и дарят свое благословение направо и налево. Но верить пьяницам глупо – налей им за свой счет и не такое еще услышишь. А если бы какая-нибудь богиня и собралась поразвлечься, то, думаю, выбрала бы себе объект поинтереснее никому не нужного бродячего эльфа. Так, хватит! Голова уже начала закипать от безумных версий. Факт оставался фактом: сделать я ничего не мог, искать было бесполезно. Да и зачем? Решил двигаться потихоньку в город, надеясь, что по дороге встречу беглянку.

Удивительно, но, несмотря на возню, которую я развел, Ричард даже не проснулся. Подойдя к нему вплотную, я с силой пихнул его в бок. Вздвогнув, осел резво вскочил на ноги. Я громко рассмеялся, за что в ответ получил злобный ослиный взгляд.

Я очень привязался к этой упрямой скотине, и было грустно осознавать, что придется его продать по прибытии в город. С Ричардом я путешествовал с самого начала своих скитаний. Тогда я в первом же людском поселении решил купить лошадь. Арвалийская империя огромна, расстояния между городами и поселками большие, и путешествовать пешком было утомительно. Я успел прихватить немного денег из дома, перед тем как меня изгнали, и наивно полагал, что на лошадь их хватит. Но ошибся. Узнав, какими средствами располагает покупатель, торговец потерял ко мне интерес и посоветовал

приобрести осла, сопроводив предложение не очень вежливой шуткой: «Два длинноухих всегда договорятся!» Так у меня появился Ричард. Мы с ним долго не ладили, животное он мортовски упертое, и мои жалкие познания в эльфийской магии не помогали с ним справиться. Но потом привыкли друг к другу. Зачастую Ричард был моим единственным собеседником, точнее слушателем, и разрази меня Зул, если он не понимал меня!

Быстро собрав вещи, я отправился в путь. Дорога, по которой мы с Ричардом двигались, некоторое время шла параллельно основной, но потом соединялась с ней. Через несколько часов лес по правую руку от меня начал редеть, и я выехал на широкий тракт. До города оставалось рукой подать. Здесь было шумно: в разные стороны двигались нагруженные телеги, иногда проносились группы всадников, имелись и путешественники-одиночки, такие, как я, но основной массой все-таки были крестьяне, которые везли свои товары в город на продажу. Люсию я так и не встретил.

Примерно через час я уже подъезжал к центральным воротам Релота. Ничего особо красивого не увидел – ворота как ворота, крепостная стена не большая и не маленькая. В общем, обычный арвалийский город, ничего нового и удивительного. Сколько их уже было на моем пути! Толпа неспешно текла внутрь, платы за вход здесь не взимали, и стражники смотрели на народ вполглаза. Спустя пять минут я был уже за крепостными стенами. Площадь перед центральными воротами встретила меня шумом: кричал народ, скрипели телеги, отовсюду слышалась ругань, иногда даже вспыхивали драки, но, как только стража проталкивалась в людскую гущу, все сразу успокаивались. Некоторые особо умные и приткие мелкие торговцы расставили здесь свои лотки, хотя базарная площадь должна была находиться ближе к центру города. Немного привыкнув к гулу, я двинулся через толпу. Предстояло решить много дел, и я от души надеялся, что мне это удастся.

Мара

Новый день, как это частенько случалось в последнее время, начался с драки. Стоило мне выйти из шатра, как кто-то сбил меня с ног. Сгруппировавшись, я перекатилась в сторону от нападавшего и быстро вскочила. Кто тут у нас? На этот раз Ранвальд. Да, это уже серьезно! Лучший воин племени, самый сильный во всем Т'харе. С ним просто так не справишься. Слава Тиру, в подвижности Ранвальд все же мне уступал. Растопырив могучие ручищи и расплывшись в

самодовольной ухмылке, он двинулся ко мне, ничуть не сомневаясь в результате схватки. Паршиво. А самое паршивое, что бежать было некуда. Сзади шатер, справа и слева стояли, похохатывая, дружки Ранвальда, а впереди, само собой, он сам во всей красе. Приятели его, конечно, в драку бы не вступили – не по правилам это. Но и убраться отсюда мне бы не позволили. У каждого на меня зуб имелся. Остался небольшой пяточок, на котором мы с Ранвальдом и топтались, ловя взглядами каждое движение друг друга.

– Ух! – крикнул этот придурок, делая резкое обманное движение в мою сторону.

Не на такую напал. Я продолжила свои пляски, внимательно следя за противником и прикидывая, как бы мне от него отделаться. Конечно, я девица не слабая, и врукопашную могу, и с мечом, и ножи кидаю. Но тут слишком большая разница в весе. А меч остался в шатре. Да это и неважно, потому что применять его в любом случае нельзя – не убивать же парня за благие намерения! Меня же потом к коням привяжут и пустят их по степи в разные стороны. Раззадорившись от подначек товарищей, Ранвальд попер вперед. Делать нечего, пришлось вынимать из-за пояса кнут. Он всегда со мной – любимое оружие, верный друг. Им и убить можно, если в висок. Наконечник-то на хвосте свинцовый. Но сегодня у меня были другие планы. Свистнул гибкий, сплетенный из трех сыромятных ремешков хлыст, стегнул раздухарившегося парня по ногам, захлестнув хитрой петлей. Я резко дернула кнутовище вниз и назад – Ранвальд всей тяжестью здоровенной туши грянулся оземь, оглашая матушку-степь отборными ругательствами. Его дружки злорадно усмехались. С одной стороны, моего поражения они не дождались, с другой – приятно было, что и лучшему воину ничего не обломилось. Значит, не они одни такие лопухи. Тем временем к ним присоединились новые зеваки – соседские хозяйки, осуждающе покачивающие головами, молодые девицы, глядящие на меня со священным восторгом, старейшины... Всем интересно было, чем закончится очередная попытка обуздания непокорной Мары.

Круговым движением руки я высвободила ноги Ранвальда из захлеста и потянула кнутовище на себя. Схватка закончилась, противник на земле, все почестному. Зрители недовольно загудели и начали было расходиться. А Ранвальд все не вставал. Вот морт! Неужели я его... того? Неловко упал? Но он ведь не старик и не беременная женщина! Лучший воин племени! Куда мне до него? Да и ведь я только подсечку кнутом сделала, не в висок же била. Может быть, угодил затылком на камень? В душе поселилась тревога. Совершать убийство в мирное время было чревато... Подойдя к Ранвальду, я с облегчением выдохнула:

он был вполне живой, лежал себе и таращился в небо. Отдохнуть решил, что ли? Пожав плечами, протянула руку в знак того, что вражды не питаю. Тоже традиция. Она-то меня и подвела. Мертвой хваткой удерживая мою кисть одной рукой, Ранвальд прыжком вскочил на ноги, а вторую лапищу протянул к волосам. Такой бессовестный прием меня возмутил. Это не по-воински. Зрители радостно загалдели, противник мой оскалился, преждевременно празднуя победу, а мне в голову ударило тупое бешенство. Ах так? Получи, сам напросился! В следующую секунду с утробным воем, забыв о моих волосах, Ранвальд согнулся, придерживая ладонями ушибленное место. Его физиономия приобрела цвет шкуры молодого лягушонка. Коленом в пах – тоже не очень-то честно, но он первый начал. Толпа, собравшаяся поглазеть на торжественное водворение Бешеной Мары туда, где ей следовало находиться, разочарованно вздохнула. Ранвальд, поддерживаемый с двух сторон друзьями, заковылял прочь. А ведь он такого позора не простит. И правильно сделает, между прочим. Я, как всегда, нарушила все правила и законы племени, за что должна поплатиться. Строго говоря, мне просто повезло, что воин был излишне самонадеян. Явись он с тем же кнутом или арканом, исход был бы другим. Теперь же придется быть начеку, с Ранвальда станется ворваться в шатер ночью и дать мне по голове, так, слегка, чтобы не трепыхалась. А, ладно! Там видно будет.

Я вернулась в шатер, подхватила лук, колчан со стрелами, седло и сбрую. Вскоре уже шагала по тропинке к Конскому лугу. Стреноженный Зверь встретил меня тихим ржанием. Я ласково погладила крутую шею. Красавец! Мощный, высокий в холке, с широкой грудью и плотным, мускулистым телом, гнедой жеребец был удивительно быстр и вынослив. Много веков орки шли к созданию такого совершенства, и теперь кони Холодных степей по праву считаются лучшими во всем Вирле. Зверь нетерпеливо ударил копытом и встряхнул черной гривой.

– Сейчас, дружок, – бормотала я, оседлывая коня, – сейчас, поохотимся.

Ничто не сравнится с охотничьим азартом, охватывающим все существо, заставляющим сердце биться быстрее! Лететь по степи на стремительном коне, приминая ковыль и ощущая прикосновение ветра. Гнать добычу в бешеной скачке. А потом, когда приходит время выстрела – единственного, всегда предельно точного, – чувствовать, как нетерпеливый преследователь, разгоряченный скоростью, уступает место холодному бесстрастному стрелку. Орки живут охотой. Это у нас в крови. Облава и гон – исконно орочьи занятия. На крупного хищного зверя идет облавой все племя. Зверей обкладывают широким кругом, постепенно сужая его, и тогда уже пускают в ход стрелы. Для гона

нужно меньше охотников, они рыщут по степи в поисках стада дзеренов и, когда находят, несутся наперерез. Звери спасаются бегством, но орочьи кони не уступают им в быстроте. И вся охота проходит в безумной скачке. Но я часто охочусь в одиночку. Это интереснее всего. Остаешься один на один с добычей, со всей степью – огромной, бесконечной, суровой. И только от тебя зависит жизнь и смерть. Подчас не только звериная, но и твоя. Нет ничего лучше охотничьего азарта! Разве что упоение настоящим боем, которое мне уже не раз довелось испытать. Я говорю именно о бое, а не о нелепых драках с наглецами вроде Ранвальда.

К середине дня я подстрелила молодую косулю и, взвалив ее на спину Зверя, решила возвращаться. Едой обеспечила себя надолго. Мясо надо будет закоптить, но и тогда мне одной слишком много. Поделюсь с соседками. Хозяйки хоть и осуждали мое поведение, однако от дичи не отказывались. За четверть лиги перед домом я спешила и повела Зверя в поводу, чтобы дать просохнуть от пота. Селение встретило меня настороженно: искоса поглядывали женщины, мужчины делали вид, что не замечают моего появления. И только ребятишки бежали следом, выкрикивая дразнилку: «Бешеная Мара кровера поймала...» В общем, все как всегда.

Однако, как оказалось, я ошиблась. Скинув тушу косули на траву возле шатра, я ослабила подпруги, немного подождала, как учил отец, потом расседлала коня. Достала суконку.

– Мара, кого добыла? – с любопытством спросила Вергильда, моя соседка.

Вылезла из шатра и остановилась в паре шагов от меня, теребя красный кушак на широкой юбке. Вот ведь... будто сама не видит! Или косулю от зайца отличить не может? Хотя этот вопрос – способ завязать разговор. Стоит только ответить, она начнет вываливать на меня последние сплетни, выпрашивать, почему замуж не иду, и молотить прочие глупости. Тьфу... курица. Я неопределенно мотнула головой, продолжая растирать спину Зверя суконкой.

– Ну да, ну да... – сочувственно протянула Вергильда, картинно поправляя тяжелые косы и маленькую остроконечную шапочку – головной убор замужней женщины, – тяжело тебе, ты одна. Вон и за конем сама ухаживаешь, и охотишься... а замуж почему не идешь?

Я стоически терпела. Не связываться же с бабой! Пусть себе красуется, показывает свой богатый наряд. А я слушать ее болтовню не намерена, мне еще Зверя обиходить надо, потом кошулю разделать. Отсоединила от седла потник, разложила под горячими лучами Атика. До вечера просохнет. Седло и сбрую унесла в шатер. Жеребец пусть пока здесь постоит, к вечеру на луг отведу. А сейчас надо принести воды. Направляясь с двумя бадьями в сторону колодца, я краем уха уловила новую интонацию в монотонном жужжании соседки и только тогда прислушалась.

- Ничего, скоро тебе легче станет...

- Это ты про что? - Я резко развернулась и уставилась на Вергильду, чем изрядно ее напугала.

- Да так... - забормотала она, отступив на пару шагов, - все говорят...

- Мара! - окликнул тяжелый бас.

Так, у меня появился новый собеседник. От этого уже просто так не отмахнешься. Торвальд, старший сын вождя, его правая рука. В полном боевом облачении: кожаный доспех, обшитый железными пластинами, на груди - большой чеканный круг. Одновременно и знак рода, и хорошая защита. Куда собрался? Может, снова из Ятунхейма твари полезли? Вроде не сезон, они обычно зимой выходят, когда жрать им нечего. Но бывают и исключения. Отлично. Значит, повоюем.

- Тебя ждут старейшины, Мара, - огорошил между тем Торвальд.

Хм... значит, не твари. А жаль. Лучше два боя с выродками, чем один разговор со старейшинами. И чего им от меня понадобилось? Хотя нетрудно догадаться, конечно. Зарвалась, вот и получу по заслугам. Обуреваемая недобрыми предчувствиями, я буркнула:

- Скажи, сейчас приду. Коня только напою.

Конь - святое для каждого орка, поэтому сын вождя возражать не стал, только сообщил:

– Я подожду. Отец приказал привести тебя под охраной.

Ох, Лак'ха, чувствую, поворачиваешься ты ко мне своей безобразной половиной! Под охраной, с чего бы такая честь? Я принесла Зверю воды, потрепала на прощание смоляную гриву и в сопровождении Торвальда отправилась к шатру вождя. По дороге воин сочувственно косился на меня, но помалкивал. Я же сочла ниже своего достоинства спросить, что меня ждет. Хороший он парень, Торвальд. Он мне как старший брат. Мой покойный отец был лучшим другом вождя. С сыновьями старого Бертарда я выросла: вместе в детстве бегали по селению, вместе учились стрелять, охотиться. Правда, потом, когда повзрослели, выяснилось, что умения, делающие мужчину воином, опорой племени, мне приносят одно порицание. Да только поздно уже, себя не переделаешь.

Перед шатром Бертарда собрались все старейшины – самые уважаемые орки селения. Обряженные в полный доспех, со знаками рода на груди, они чинно сидели вокруг деревянной фигурки Тира, передавая из рук в руки ритуальную рунную чашу с дымящимся напитком – вересковой медовухой. Такие приготовления делаются только перед судом чести. Они что, меня судить надумали? Я взглянула на Торвальда, тот лишь неопределенно пожал плечами. Присесть мне никто не предложил. Значит, и правда...

– Здравствуй, Акхмара, дочь Вархарда, – царственно кивнул старый Бертард.

– Здравствуй, Бертард, сын Хиральда. Здравствуйте, уважаемые, – поклонилась я.

– Знаешь ли ты, зачем мы здесь собрались?

– Да уж догадываюсь, – пробурчала я себе под нос.

Неужели Ранвальд попросил о суде Тира? Не может быть! Судиться с женщиной, с которой не сумел справиться, – да над ним до старости смеяться будут. Однако его самого тут нет.

– Суд собран по решению старейшин, – развеял мои сомнения вождь, – ты должна ответить за свои поступки. Расскажи нам, Акхмара, что ты сделала сегодня утром?

– Ранвальда потомства лишила! – брякнула я, отбросив ненужные церемонии. Чего уж теперь стесняться?

Торвальд подозрительно засопел, стараясь не расхохотаться. Только вот мне не до смеха было. Суровые лица стариков были красноречивее всяких слов. Осуждают. Непорядок в племени.

– И зачем же ты это сделала? – хмуро спросил вождь.

– Он первый начал! – взъярилась я. – Все видели!

Бертард тяжело вздохнул и поднял на меня усталые глаза, окруженные лучами глубоких морщин. В его взгляде читалась понимающая грусть. «А он уже немолод, – вдруг подумалось мне, – вон и волосы, некогда смоляные, стали белыми, и клыки пожелтели...»

– Мара, дочка, – мягко, почти отечески произнес он, – я помню тебя малышкой. И знаю, как тебе тяжело. Сначала Олав, потом твои родители... Я все понимаю, но надо жить дальше.

Младший сын Бертарда, Олав, погиб в стычке с ятунами. Я тоже была там. Позапрошлая зима выдалась морозной даже для Т'хара, и твари Голодного леса вышли на охоту. Это была славная битва. Наши кланы, объединившись, уничтожали ятунов сотнями, а недобитки в конце концов убрались назад. Но и орков много полегло. Олав пал в первый же день. Он схватился с вожаком стаи и сумел убить его. Картина их боя до сих пор стоит у меня перед глазами: разъяренная тварь, присевшая перед прыжком и ощерившая длинные игольчатые зубы, нашпигованная стрелами, но не желающая подышать, и молодой орк с мечом в руках. Перед смертью ятун сумел достать Олава когтистой лапой и перервал ему горло. Я помню, как окрашивался кровью белый снег, как медленно падал сын Бертарда, улыбаясь чему-то, что видели только его угасающие глаза. А потом погиб мой отец, Вархард. Я была слишком далеко от него и не смогла помочь, когда на него бросились сразу три твари. И он тоже улыбался перед смертью, как и положено настоящему орку, уходящему в Альгебар. Он был великим воином. Так я в один день лишилась двоих близких. Олав был моим нареченным. Потом, не выдержав горя, ушла и мать. И я осталась совсем одна.

– Ты должна выйти замуж, Мара, – уже жестче проговорил вождь, вырывая меня из плена воспоминаний.

Странный же он нашел способ доказать мне свое доброе отношение! Я упрямо насупилась, потом вспомнила, что все-таки нахожусь на суде Тира, и попыталась придать лицу смиренное выражение. Получилось плохо.

– Время траура прошло, – настаивал Бертард, – пора забыть Олава. Я знаю, как ты его любила, но всему есть предел.

Вот здесь он заблуждался. То есть я, конечно, любила его сына. Но как брата. Мы вместе росли, как же иначе? И супружество с ним вовсе не представлялось мне желанным. Но поскольку так решили наши отцы, пришлось смириться и помалкивать. И я искренне горевала по Олаву, но не по нашей с ним несостоявшейся семейной жизни. Год траура меня никто не трогал, а потом началось! Дело в том, что мне не посчастливилось: я завидная невеста. Сильная, здоровая, и от родителей мне досталось неплохое наследство. Шатер, как говорится, полная чаша, а в табуне двадцать коней мне принадлежат. И пошло! Сперва парни пытались подступиться по-хорошему, как это сейчас принято. Я им отказывала, тоже по-хорошему. Потом женихи начали злиться и стали прибегать к дедовскому способу сватовства. То есть за волосы – и в шатер. Вообще-то это традиция такая: жену надо привести к новому очагу за косу. Но в наше время сначала договариваются и хватают невесту за волосы, только если она согласна. Да старых законов никто не отменял, и такая интересная манера женитьбы не считалась чем-то из рук вон... Одного орки не учли: я была категорически против! А когда я против...

– Вообще-то надо бы выдать тебя за Ранвальда, – задумчиво протянул вождь, – и многие старейшины на этом настаивают. Но я своей властью даю тебе право выбора.

Я облегченно выдохнула. Ну спасибо, неистовый Тир! Не подвел твой суд! И торопливо выкрикнула, дабы Бертард не успел передумать:

– Я выбираю одиночество!

Старейшины сердито раздули ноздри, а Торвальд, не выдержав, фыркнул.

– Ты не поняла, Акхмара, – строго ответил вождь, – я предложил тебе выбрать любого из холостяков нашего племени. А вовсе не выбирать образ жизни. Ты выйдешь замуж – и это не обсуждается. Таково решение суда.

Да что за глупость? Почему я должна непременно выходить замуж?!

– Говорил я Вархарду, зря он растил из дочки воина, – сокрушенно вздохнул Бертард.

Да, отец воспитывал меня, как мальчишку. Как и любой орк, он мечтал о сыновьях, но боги не исполнили его желания. Я у родителей была одна. Первое мое детское воспоминание – отец сажает меня на коня, который кажется огромным. Мне ничуть не страшно, я хохочу и вцепляюсь руками в шелковистую гриву. «Отличный будет воин!» – смеется отец. Первая игрушка – маленький лук. Потом обучение мечевому и рукопашному бою, обращению с ножом и кнутом. В четырнадцать я уже охотилась наравне с мужчинами племени, в шестнадцать – вместе с воинами обороняла селение от ятунов. И что теперь? Снять доспех, обрядиться в юбку, заплести косы и нарожать детишек? Да я не против замужества. Пусть выходят, кому нравится. А я не хочу. Единственное мое желание – чтобы меня оставили в покое!

– Мара, ты не воин, ты женщина! – терпеливо пояснил вождь.

– Да ну? – не выдержала я. – А почему же никто об этом не вспоминает зимой, когда приходит время отгонять ятунов? Почему меня всегда зовут на охоту? И почему, наконец, вызвали на суд Тира? Ведь он только для воинов!

Мое знаменитое бешенство, так долго сдерживаемое, наконец проснулось и заявило о себе. Плевать мне уже было и на старейшин, и на законы. Я диким зверем зарычала, уставившись в глаза Бертарду:

– Разве в селении не хватает женщин? Разве некому рожать детей и охранять очаг?

– Скоро будет некому! – воинственно оскалив клыки, рыкнул в ответ вождь. – Твое поведение плохо на них действует! Юные девушки, глядя на тебя, задумываются: а не надеть ли им штаны и не начать ли носиться верхом по степи? Почему тебе можно, а им нельзя? Ты будоражишь умы наших женщин и

оскорбляешь мужчин! Что будет с племенем, если все начнут себя вести так, как хочется?

– Акхмара, дочь Вархарда, – холодно обратился ко мне один из старейшин, – у тебя есть выбор.

– Слышала, – огрызнулась я.

– Или ты выходишь замуж, – невозмутимо продолжал старик, – или племя изгонит тебя.

Бертард встал, поднял статую Тира и отнес в шатер в знак того, что суд окончен.

– Решение за тобой, – сказал он. – Сроку тебе до утра.

Меня обдало холодом, гнев куда-то испарился. Я низко поклонилась:

– Спасибо, отец.

Я понимала Бертарда, еще как! Прав он, конечно. И мне просто повезло, что вождь считал меня почти дочерью. Будь на его месте любой другой, приговорил бы выйти замуж за Ранвальда. Сама покалечила, сама и лечи. Приволокли бы на аркане, и все. А тут хоть плохонький, да выбор. Я шла по селению, ловя на себе злорадные взгляды женщин и заинтересованные – мужчин. Все уже знали, чем закончился суд, и ждали, кого же я назову своим женихом. Я отвела Зверя на пастбище, вернулась и легла спать. Долго ворочалась, вспоминая свою жизнь, отца, мать... потом наконец уснула...

Проснулась до рассвета. Огонь в очаге прогорел, и в шатре сделалось прохладно. Ночи в наших северных краях даже летом не жаркие. Я подбросила дров и огляделась. Потом раскрыла небольшой кованный сундук. Такие есть в шатре у каждого орка. Их удобно, связав попарно, перевозить на спинах вьючных лошадей, если племя снимется с обжитого места и отправится кочевать. Что тут у нас? Вещи матери – юбки, рубахи, ленты для кос, шапочки... Это точно не пригодится. Я не ношу женскую одежду. Да если бы и хотела, эта была бы мала. Ростом и статью я пошла в отца. Небольшой звенящий мешочек. Человеческие деньги, монеты. Чеканные кругляшки из желтого мягкого

металла. Отец называл его золотом и говорил, что люди ценят его больше всего на свете. У орков денег нет, мы не торгуем, а занимаемся обменом. К чему монеты в Холодных степях? Раньше, когда наш народ воевал с людьми, орки грабили взятые селения и брали золото. И сейчас еще у многих в сундуках валяются желтые деньги и человеческие украшения с разноцветными сверкающими камнями. Но наши женщины их почему-то не любят, предпочитая носить изготовленные шаманами костяные или сплетенные из тонких кожаных нитей серьги и ожерелья, которые не только украшают, но и являются амулетами и оберегами. Поэтому на старые людские побрякушки мы вымениваем у людей нужные товары. Оружие, например. Так что мешочек с монетами возьму с собой, пригодится в человеческих землях.

Вот и все, что я беру из родительского наследия. Красивые чаши, покрытые рунами, пушистые шкуры зверей, добытые на охоте, в дороге не пригодятся. А табун с собой не угонишь. Пусть остается. Немного вяленого мяса в дорогу. Огниво. Все уместилось в мешке. Попона для Зверя. Одежда на мне – холщовые штаны, удобные для верховой езды. Кожаная куртка с нашитыми на нее выпуклыми железными пластинами – одновременно и спасает от холода, и служит доспехом. Отлично выдерживает выстрел из лука. Пластины заставляют наконечники скользить, а дубленая кожа окончательно гасит удар. Кожаный шлем с заостренной верхушкой и чеканными защитными полосками для носа и глаз. Кнут, не раз спасавший мне жизнь, за поясом. Лук – прекрасное, совершенное оружие. Его делал специально для меня старый Гунвальд, лучший мастер племени.

Изготовление орочьих луков – занятие не только сложное, требующее многих знаний и умений, но еще и опасное. Потому что для этого нужен тис, а растет он только в Голодном лесу. Это необыкновенное, чудесное дерево, которое отличается от своих сородичей из других земель так же разительно, как благородный скакун от мула. У него светлая поверхность и темная сердцевина. Белая оболочка невероятно гибка и не ломается, даже если согнуть ее в круг. Казалось бы, должна треснуть сердцевина, ведь она всегда тверже и жестче. Но нет, тис выдерживает и это. Светлая часть ствола, из которого изготовлен лук, отвечает за его гибкость, а темная придает оружию большую ударную силу. Странно, но каждое деревце имеет свой характер и свои особенности. И только такой великий мастер, как Гунвальд, может определить, какой именно тис подойдет тому или иному орку. За материалом для луков старик отправляется в Ятунхейм в середине весны, когда в деревьях бродят соки. Он пробирается через опасный лес в одиночку, крадется, как вор, прячась от обитающих там тварей. И долго, долго выбирает подходящий молодой побег. Орки заказывают

мастеру луки для своих детей заранее, пока подросток еще не превратился в воина. Потому что древесину Гунвальд выдерживает целых пять лет. Зачем он это делает, не знаю, старик ни с кем не делится секретами своего ремесла. Он говорит лишь, что лук должен «вызреть». И только спустя годы мастер начинает священнодействовать: сначала он обтесывает ствол, внимательно разглядывая годовые кольца. Колдует над сучками и ветками, выпаривает концы лука в воде, изгибает их. И после этого натягивает на дугу пробную тетиву.

Не нужно думать, что работа над луком закончена. Нет, она только начинается. Гунвальд делает примерку. Он дает оружие в руки будущему хозяину и, отойдя в сторону, с прищуром смотрит, как управляется с ним молодой орк. Прикидывает, удобно ли, хорошо ли изогнуты плечи, как ложится в руку дуга. Таких примерок бывает несколько. Одежду шить легче. И лишь потом мастер начинает обрабатывать лук окончательно. Он плетет тетиву из конских волос, причем тоже подбирает для этого всегда разных лошадей. Шлифует дугу сушеным хвощом из Голодного леса и степным вереском. Гунвальд никогда не убирает со ствола все сучки и неровности, он как-то умудряется понять, какие из них идеально лягут в руке воина. И наконец, в руках счастливого хозяина оказывается неповторимое оружие. Оно никогда не подведет и будет служить много лет. Выстрел его пробивает даже щит и тонкую кольчугу. Старик изготавливает в год всего несколько таких луков, но при этом он один из самых богатых орков племени. Каждая его работа стоит пять коней.

Я мысленно поблагодарила Гунвальда. Итак, лук. Колчан со стрелами. Я делала их сама из сосны, которую добыла все в том же Голодном лесу. Только в Ятунхейме растут такие деревья. У этих сосен древесина крепкая, как железо. Оперение у моих стрел гусиное, красная обмотка. Наконечники выменивала у кузнеца. Каждый воин племени старается сделать такие стрелы, которые можно было отличить от других. Это удобно на охоте, когда их вырезают из добычи. Сразу видно, кто попал.

Охотничий нож всегда со мной, как и плеть. Недлинное, с ладонь, лезвие с резким, заточенным скосом к острию, из-за которого нож напоминает кинжал. Удобная, без всяких затей, дубовая рукоять. Зимой, к примеру, не до изысков – металлические украшения могут примерзнуть к руке. Ножны – кожаные, простые.

Кажется, все проверила, все собрала. Пора. Я вытащила из-за сундука отцовский фламберг. Этот меч отец много лет назад выменял на два десятка коней и ни

разу об этом не пожалел. Выкованный искусным человеческим оружейником, фламберг стал надежным и незаменимым спутником в боях. Две трети узкого клинка, начиная от гарды, были волнистыми, с разведенными, как у пилы, краями. Меч отлично прорубал толстую чешуйчатую кожу ятунов, оставляя на ней рваные незаживающие раны. Редкая, особой закалки сталь, из-за которой фламберг и был так дорог, обладала почти волшебным свойством: меч никогда не тупился. Я осторожно провела пальцами по поверхности клинка. Пятка покрыта узорами рун, чуть выше – мощные, острые контргарды, помогающие парировать удар противника. Крестовина большая, прямая. Обтянутая кожей рукоять почти в треть клинка длиной удобно ложится в ладони. Она словно еще хранит жар отцовских рук, горячку боя... Отец называл свой фламберг Пламенеющим и сокрушался, что некому будет оставить его после смерти. Он ошибался, великий воин Вархард. Потому что я продолжила его дело. Этой зимой, когда твари из Голодного леса опять рыскали по степи, Пламенеющий был со мной. И со мной же останется. На седле Зверя, с левой стороны, даже имелись две петли для фламберга. Правда, конь всякий раз бывал недоволен, когда я привешивала меч к седлу. Ну да ничего, привыкнет.

Я подхватила седло, сбрую и выбралась из шатра. Следовало уходить, пока не рассвело. Решила так решила. Шагая по сонному селению в сторону пастбища, я никак не могла разобраться в своих мыслях и чувствах. С одной стороны, грызла обида. Спрашивается, ну чего им всем неймется? Ведь что же получается? Как на охоту или на бой с ятунами, так Мара – воин! Это пожалуйста! А как жениться кому-нибудь приспичило, так Мара – женщина! Не могли оставить меня в покое? Если не из-за моих заслуг перед племенем, хотя и они значительны, так хотя бы в память об отце! И Бертард тоже хорош! Помнит он меня, видите ли, с детства! Тоже мне, друг отца, называется! С другой же стороны, я понимала: у меня нет права злиться и обижаться. Законы племени выверены веками. И если бы не они, не выжить оркам в суровых краях Т'хара. Действительно, женщина должна хранить очаг, а мужчина – заботиться о безопасности и пропитании семьи. Так было, так есть, так будет. А если все девчонки в воины соберутся? Кто будет рожать детей? Прав Бертард, и старейшины правы. А моя обида – просто детский каприз. Все я понимала. И рассуждала вполне здраво, несмотря на то что прослыла в племени Бешеной Марой. Но была во всем этом одна маленькая такая трудность: ну не хотела я замуж! Ни в какую! Я чувствовала себя воином, и никем другим! И между прочим, не раз это доказывала. А потому свое изгнание сочла наилучшим выходом. И справедливым. Не буду мозолить глаза оркам, а сама избегу нежеланной судьбы.

Кстати, о судьбе... Разгоряченная спором с самой собой, я не сразу заметила тощую фигуру, которая вывернула из-за дальнего шатра и быстро зашагала мне навстречу. Вот же не повезло! Я остановилась, почтительно склонив голову перед Одноглазым Улафом. Колдуна в селении уважали и побаивались. Иногда мне казалось, что даже сам Бертард поглядывал на Улафа с опаской. Вечно хмурый, с обезображенным, перекошенным на одну сторону лицом и ослепшим правым глазом (вроде бы в молодости вступил в бой с каким-то злым духом), колдун выглядел жутко. И вел себя соответственно. Его проклятие считалось смертельным, поэтому никто и никогда не перечил Улафу. В остальном он приносил племени немало пользы. Беседовал с духами, лечил раненых, умел предугадывать появление ятунов. Сегодня его почему-то не было на суде Тира. Хотя по закону он должен был присутствовать.

– Здравствуй, Акхмара, – подходя, неожиданно ласково произнес колдун.

Я в ответ поклонилась, мечтая, чтобы он побыстрее отправился по своим делам. Но Улаф не торопился со мной расставаться.

– Я заглядывал в твою судьбу, – сообщил он.

Интересно, с чего бы такая честь? Я не очень разбиралась в колдовстве, но знала, что гадать на чужое будущее – занятие опасное. Лак'ха может покарать любопытного, обрушив на его голову всевозможные беды и несчастья.

– Ты верно поступаешь, Акхмара, – продолжал между тем колдун, – твой путь пролегает далеко от Холодных степей. Ты сделала правильный выбор.

Я продолжала отмалчиваться. Улаф немного подождал, но, поняв, что ответа не последует, сказал:

– Будь очень осторожна. Твоя судьба интересует не только меня. Не позволяй никому вмешиваться в твою жизнь, иначе станешь послушным орудием в чужих руках.

Что бы это значило? Но меня больше интересовало другое:

– Я... еще вернусь в Т'хар?

Колдун покачал головой:

– Нет.

Вот так. Приговор произнесен. И он гораздо страшнее, чем любое решение суда Тира.

– Ступай, Акхмара. Тебе пора, – произнес Улаф. – Легкой дороги.

Еще раз поклонившись, я зашагала к окраине селения. Обратного пути нет. И угораздило же меня встретить колдуна! Легче было не знать, что я больше никогда не увижу родную степь, не пронесусь на коне по волнам ковыля, не поохочусь на просторе... А может, Улаф ошибся? Мне совсем не хотелось окончательно разрывать связь со своим племенем. В раздумьях я и не заметила, как дошла до Конского луга. Отыскала Зверя, который при виде меня радостно вскинул голову, лукаво косясь карим глазом. Я оседлала жеребца и поскакала к своему шатру. Быстро, не желая быть замеченной, навьючила на него мешок, пристегнула к седлу меч. Бледный круг Тиль истаивал в светлеющем небе. Пора...

...Через пять суток я наконец достигла южной окраины Т'хара. Дни проводила в седле, ночевала под открытым небом. Охотилась на кролей. Разведя костер, жарила их сочное мясо. Потом опять пускалась в путь. И думала, думала, думала... Куда я спешу? К чему стремлюсь? Там, на юге, людские города. Что меня ждет? Несколько раз порывалась развернуть Зверя назад, но, вспомнив о поставленном условии, лишь пуще понукала его. Свобода – вот о чем я мечтала всю жизнь. Возможность поступать по своему усмотрению, самой выбирать дорогу. Что ж, Бешеная Мара, теперь ты свободна. От семьи. От родины. От обязательств.

На пятый день пути ковыль под ногами коня сменился луговым многоцветьем, а впереди показались зеленые холмы, между которыми петляла узкая пыльная дорога. Я знала, что она ведет к границе Светлой Арвалийской империи. Пять лет назад отец ездил в человеческую страну и брал меня с собой. По этой дороге до заставы примерно три лиги, не больше. И еще столько же до Мизара – большого города, в котором я рассчитывала остановиться. Монеты, чтобы заплатить за въезд и ночлег, у меня есть. А там посмотрим. В армию завербоваться? Наемницей? Интересно, как люди относятся к женщинам-

воинам? Хотя, если подумать, какая я для них женщина? Орка. Еще отец рассказывал, что в больших городах есть такие места, куда можно прийти и поучаствовать в боях. Если победишь – тебе платят, проиграешь – платишь ты. Хотела бы я посмотреть на человека, который со мной справится! Благо дерутся там вроде один на один. А хоть бы и по-другому! Можно будет попробовать.

Атик уже клонился к горизонту, когда я выехала на пустынную дорогу. Почему-то на ней не было ни всадников, ни пеших. Пустив Зверя шагом, я размышляла о том, что ждет меня в чужой стране. Но картина, открывшаяся за крутым поворотом, огибавшим холм, заставила отвлечься от тревоги о будущем и заняться настоящим. Шагах в десяти от меня дорогу перегородила развернутая боком телега, груженная тюками и корзинами. Вокруг нее топтались люди. Двое перерывали содержимое телеги, третий выпрягал из нее лошадь. А еще один, самый здоровый и молодой, держал за горло насмерть перепуганного старика и вертел перед его глазами ножом. Разбойники. А старик, очевидно, торговец, в недобрый час встретившийся им на пути. При виде меня лиходеи немного растерялись, потом один из них неохотно оторвался от тюка, который только что вспорол, и сделал попытку вскинуть арбалет. Сам напросился. Стрела, пробившая ему шею, навсегда излечила его от жадности до чужого добра. Вытаращив глаза, он медленно осел в дорожную пыль. Следом я сняла здоровяка, пока тот не успел прикончить торговца. Освобожденный старик, не раздумывая, нырнул под телегу, а я отправила в Альгебар еще одного грабителя. Разбойник, выпрягавший лошадь, рванулся было бежать, но в скорости он явно уступал оленям, на которых я привыкла охотиться. Взмахнув руками, он сделал еще два шага вперед с торчащей между лопаток стрелой и рухнул лицом вниз. Я спешила, подошла к телеге и выудила из-под нее старика. Против ожидания, он не был так уж напуган. Во всяком случае, вполне внятно поблагодарил меня на всеобщем языке. Кивнув, я принялась освобождать себе путь. Для начала вырезала стрелы из тел грабителей. Потом оттащила трупы к обочине. Взяла под уздцы дрожащую и нервно прядающую ушами лошадку и развернула телегу. Все, можно ехать. Направилась было к Зверю, но тут торговец завопил:

– Подождите, подождите, леди!

Леди... странное имя. Перепутал с кем-то? Ну это вряд ли... Старик догнал меня и, запыхавшись, проговорил:

– У меня есть к вам предложение, леди!

– Я не леди.

– О-о, простите... – он почему-то замешкался и смутился, – но все равно, выслушайте меня. Эта дорога малолюдна и потому опасна. Большинство путешественников предпочитают основной тракт. Я благодарен вам за чудесное спасение, дорогая... – Он замялся, изучая мое лицо.

– Мара, – подсказала я.

– Дорогая Мара! – расцвел старик. – Не могли бы вы сопроводить меня к заставе? Разумеется, не бесплатно. Я вижу, девица вы сильная, постоять за себя умеете. А я, к сожалению, простой купец.

Купец он... чего ж сразу охрану не нанял? Знал же, что на этой дороге шалют. Я ответила ему таким же внимательным взглядом. Человек как человек, ничего особенного. Маленький какой-то, мне по грудь. Худощавый, уздолицый. Глаза такие... вот глаза пронизательные и умные. Седые волосы и бородка. Кстати, одежда у него слишком уж богатая для простого торговца. Конечно, я не разбиралась в человеческих нарядах, но вот пряжка на его поясе была из металла, который так ценят люди. Золотая, точно. И вообще, кто же путешествует по пыльным трактам в белоснежном костюме? Хотя... может, у них такой обычай? Ну да не мое дело. Все равно нам по пути, почему бы и не заработать? Для жизни среди людей нужны деньги. А я не знала, на какое время мне хватит отцовского наследства. Поэтому...

– Сколько?

– Три золотых.

Три золотых... а кто его знает, много это или мало? Неправильно истолковав причину моей задумчивости, старик поспешно произнес:

– Четыре!

– Хорошо, – кивнула я.

Сообщив, что его зовут Свиртл, торговец осмотрел пострадавший груз, сокрушенно поцокал языком и залез в телегу. Сивая кобылка, то ли от испуга, то ли в силу преклонного возраста, тащилась еле-еле. Мне пришлось пустить Зверя шагом, чтобы приноровиться к ее скорости. Некоторое время ехали молча, потом старик спросил:

– Скажите, Мара, а что вы делаете здесь, вдали от родных степей? – и тут же добавил: – Если мой вопрос не покажется вам нескромным, разумеется.

Я искоса взглянула на своего нечаянного спутника. Вообще-то болтливостью никогда не страдала. Но было в этом человеке что-то такое... располагающее, что ли. Даже завораживающее. Не знаю, то ли из-за его взгляда, то ли из-за добродушного мягкого голоса, но я взяла да и рассказала ему все.

– И что же вы собираетесь делать? – всполошился Свиртл.

– Не знаю, там видно будет. В наемники пойду или буду драться за деньги...

– Но это никуда не годится, юная леди!

На этот раз возражать против такого обращения я не стала, поняла уже, что это не имя, а знак уважения.

– Погодите! – вдруг радостно улыбнулся старик. – Кажется, я знаю, чем вам помочь. Как вы относитесь к тому, чтобы стать телохранителем? Вернее, конечно, телохранительницей.

– Это кто такие?

– Личные охранники. Служат у богатых людей, следят, чтобы с ними не случилось ничего плохого. Да вы погодите, погодите, не торопитесь отказываться! – воскликнул он, заметив, что я поморщилась. – За такую работу платят очень хорошо. Надо только сдать экзамен в школе.

– Экзамен?

– Испытание. Покажете, как умеете драться. Мой хороший знакомый, Вельш Милиган, как раз держит такую школу. Она находится на Бархатной улице. Я могу дать вам рекомендательное письмо.

Фу ты, сколько слов незнакомых! Только сейчас я осознала, как тяжело мне придется среди людей. Ведь они живут как-то совсем по-другому, а я ничего об этом не знаю. Может, и правда воспользоваться помощью этого купца? Все проще. Ну а не понравится – уйти всегда успею.

– А не понравится – уйти всегда успеете, – хитро прищурившись, произнес Свиртл. – О, смотрите, Мара, что там? – вдруг удивленно воскликнул он, указывая куда-то в сторону холма.

Я резко обернулась, вскидывая лук, но ничего подозрительного не заметила. Собравшись отчитать вздорного старикашку, взглянула в его сторону и почувствовала, как нижняя челюсть поехала вниз. Натянув поводья, остановилась и принялась оглядываться по сторонам. Бесполезно. Торговца не было. То есть совсем. Вместе с ним исчезли и лошадь, и телега. Только в пыли что-то поблескивало под прощальными лучами Атика. Спрыгнув на землю, я наклонилась и подобрала сложенный вчетверо лист тонкой белой бумаги, поверх которой стоял маленький столбик из четырех золотых монет.

Глава 2

Лэй

«Не люблю толпу», – билась в моей голове мысль в то время, как я пробирался сквозь галдящую, сопящую и отчаянно воняющую человеческую массу к ближайшему переулку. Подобравшись чуть ли не вплотную к какому-то дому, выловил из потока людей первого попавшегося мальчугана, спешившего по своим делам. Надо было узнать дорогу к академии, чтобы не плутать зря по городу. В ответ на свой вопрос я получил скороговорку, перечисляющую повороты направо и налево, которые мне надо было совершать через определенное число пройденных кварталов. Пролепетав пояснение маршрута, мальчуган нырнул обратно в толпу. А я остался стоять на месте, напряженно

пытаюсь понять, в какую сторону мне предстоит двигаться. Переварив информацию и вроде даже что-то поняв, отправился в путь.

После пары часов поисков и опроса нескольких горожан я очутился возле вычурной ограды, за которой и находилась академия. Огромное прямоугольное, с плоской крышей здание желтого цвета окружал металлический забор высотой примерно в два моих роста. Наверху ограда заканчивалась острыми копьями. Между штыками торчали прутья, вершинами которых были не заостренные наконечники, а разнообразные фигурки: звери, птицы, люди, растения, обычные шарики и еще много чего другого. Самое интересное, что пока я шел вдоль забора к воротам, не нашел ни одного повторения – все статуэтки были разными. Территория вокруг академии выглядела довольно симпатично: пушистая нежно-зеленая травка, по которой пролегали дорожки для прогулок, множество скамеек, удобных беседок, деревья – в их тени прятались студенты, что-то читая или просто отдыхая. Имелся даже небольшой прудик, по которому плавали жирные утки. Заметно было, что ректор сего заведения старался создать благоприятные условия для своих подопечных.

Ворота были открыты настежь, я даже немного растерялся. Может, мне следует сначала к кому-то обратиться, спросить позволения войти? Получается, что любой может просто взять и проникнуть в академию? Оглянулся в поисках привратника, но такового не обнаружил. Решив не забивать себе голову вопросами, на которые некому было ответить, я двинулся дальше. Следовало пристроить Ричарда – не мог же я его оставить просто пастись на лужайке. Осмотревшись, увидел слева от себя удобную коновязь, которая, скорее всего, и предназначалась для путешественников, ненадолго зашедших на территорию. Привязав обиженно глядящего из-под челки ослика, я осмотрелся в поисках входа в академию. К нему вела широкая дорожка, выложенная брусчаткой. Недолго думая, по ней и зашагал.

Мимо меня неспешно проходили студенты, но никто даже не посмотрел в мою сторону. Также я не удостоился ни единого взгляда со стороны молодых людей, которые устроили пикник прямо на траве. Ну идет себе эльф по дороге к входу, ну в пыльной одежде, ну притащил за собой осла, а что тут такого? Идет, значит, так надо. Никого это даже не удивило, собственно, а чем можно удивить мага – человека, который каждый день работает со сверхъестественным? Такие люди не обращают внимания на мирские проблемы и ко всему относятся философски.

Двери академии, как и ворота, были распахнуты. По бокам от входа возвышались две статуи, изображавшие львов: тот зверь, что слева, сделанный из красного мрамора, лежал, прикрыв глаза, а правый, вытесанный из серого гранита, сидел, внимательно наблюдая за прохожими. При моем приближении львы встряхнулись и повели носами. Мраморный поднял голову, немного посмотрел на меня, но, видимо решив, что я не представляю опасности, лениво зевнул и снова задремал. Гранитный раскрыл пасть и беззвучно зарычал. Немного поглазев на удивительные изваяния, я наконец решился и боком двинулся вперед, с опаской косясь на каменных стражей. Но львы не спешили нападать: уже у дверей я оглянулся и увидел, что красный по-прежнему спит, а серый, забыв обо мне, меланхолично почесывает лапой за ухом.

Я вошел в здание и сразу попал в просторный, светлый прямоугольный холл, пол и стены которого были выложены крупной плиткой с золотистым орнаментом. На равном расстоянии друг от друга в потолок упирались четыре колонны. От зала отходило множество коридоров, из которых то и дело появлялись студенты. Большинство парней и девушек не торопились покинуть академию, собирались группками в холле, наполняя его веселыми криками, смехом и болтовней. Здесь, как и во дворе, никому не было до меня дела.

– И что же дальше? – пробормотал я себе под нос.

– Молодой человек, как я понимаю, вы не местный? Что же вас привело в наш храм знаний? – раздался за спиной скрипучий голос, заставивший меня резко обернуться.

Оказалось, справа от входа притулился низкий столик, за которым восседал маленький, какой-то незаметный старичок в серой одежде. Если бы он меня не окликнул, я так и прошел бы мимо, не обратив на него никакого внимания. Дед прищурил бесцветные глазки, окруженные глубокими морщинами, воинственно повел длинным горбатым носом, делающим его похожим на древнего ворона, и уже строже повторил:

– Так что вам угодно?

– Э-м... Ну я бы хотел поступить к вам...

– О! Это хорошо, у нас как раз недобор эльфов в этом году. Подождите, никуда не убегайте. – Забавный старик погрозил крючковатым пальцем, словно я собирался немедленно сорваться с места и пуститься наутек. Интересно только, зачем и куда? – Сейчас позову кого-нибудь, кто проводит вас в приемную комиссию... Вили! Рыжий ты негодник, а ну иди сюда!

От вопля дедушки у меня заложило уши. Каким-то образом ему удалось даже перекричать шум, стоявший в холле. От одной из компаний отделился высокий, широкоплечий рыжеволосый парень и не спеша двинулся в нашу сторону. У него было веселое круглое лицо и слегка курносый нос, щедро присыпанный веснушками. В желтых, как у кота, глазах плясали плутоватые смешливые искорки. Одет он был в красивый дорогой камзол, из-под которого выглядывала щегольская белая рубашка с кружевом – видно, студент происходил из богатой семьи.

– Чего тебе, дядька? – подойдя поближе, поинтересовался он.

– Видишь вот этого молодого человека? – бесцеремонно ткнул в меня пальцем старик. – Его следует проводить в приемную комиссию. Понял?

– Почему я? – обиженно спросил Вили, которому явно не хотелось ради чумазого, бедно одетого незнакомца расставаться со своими друзьями, среди которых были, между прочим, две очень хорошенькие девушки.

– Потому что мне так захотелось! А ну выполняй и хватит задавать глупые вопросы! – прикрикнул на него привратник, или кто он там был.

– Ладно-ладно, все понял, я провожу господина...

– Лэй, меня зовут Лэй, – вставил я.

– Господина Лэя, – сказал парень, – следуйте за мной.

Вили неторопливо двинулся в сторону одного из многочисленных коридоров. Я нагнал его и пошел рядом. Так, медленным шагом, не говоря ни слова, мы добрались до лестницы. Я решил первым нарушить молчание – надо же было как-то налаживать контакт, заводить новые знакомства. Почему-то я вдруг

уверовал, что мне предстояло здесь учиться. И спросил первое, что пришло в голову:

– А почему ты назвал привратника дядькой?

Я опасался, что Вили не захочет поддерживать беседу с бедняком. Сразу же вспомнилась Даллирия. Невозможно даже представить, как отреагировал бы эльфийский дворянин, обратиться к нему на равных нищенски одетый пришелец из человеческих земель. Скорее всего, просто обошел бы, как нечто грязное, брезгливо морща породистый нос. А мог бы даже прибить наглеца. Да и в Арвальной империи знать не больно жалуется бродяг... Что там! Меня в приличные трактиры-то не пускали. Но, может, из-за того, что нос парня трудно было назвать породистым, он не стал его морщить, а ответил вполне дружелюбно:

– А его все так называют. Почему – мне неизвестно. Никто даже имени его не знает, дядька и дядька. Но ректор настоятельно рекомендует подчиняться ему во всем, а его магия тяжело ослушаться. Поговаривают, что старикан за своим столиком сидит с самого открытия академии. Но как по мне, так это чушь. Академии-то уже лет триста – люди столько не живут, сам понимаешь. Ну конечно, если не вмешаются эльфийские маги жизни. Только вряд ли они стали бы беспокоиться ради нашего привратника. Хотя... это уже тебе виднее... – Он искоса глянул на меня, будто ожидал, что я прямо сейчас открою ему все «страшные» эльфийские тайны, в том числе и разгадку бессмертия дядьки.

– Не смотри на меня так! – Мне стало смешно. – Я всего лишь недоучка, а не маг жизни. Кстати, тебя разве не смущает мой внешний вид или то, что я в обществе явно стою на ступень ниже тебя?

– Внешний вид? Ты имеешь в виду свою старую, потрепанную и грязную одежду, невымытые волосы и то, что от тебя немного пахнет? Не-а, никак не трогает. Нашел чем удивить, здесь и не такое увидишь. – Круглое лицо Вили расплылось в загадочной улыбке.

Мы поднялись на второй этаж и попали в точно такой же холл, как на первом этаже. Затем свернули в крайний левый коридор и принялись плутать по бесконечным переходам. Все студенты, попадавшие по пути, опять же не выказывали никакого удивления или отвращения по поводу меня. Встретились

нам пару раз по дороге и пожилые преподаватели, с которыми Вили учтиво здоровался, но те не обращали на него внимания – даже не кивнув, проходили мимо. Но больше всего мне понравились аудитории, вернее, то, что творилось за их плотно прикрытыми дверьми. Из-за одной, про которую Вили сказал, что это кафедра управления погодой, раздавались звуки грома и свист ветра. Другая, принадлежавшая кафедре воды, была покрыта каплями испарины. Третья, когда мы проходили мимо, вдруг распахнулась, выпустив в коридор целый рой пестрокрылых бабочек, которые у нас на глазах превратились в радужные мыльные пузыри, а потом и вовсе бесследно истаяли в воздухе. «Кафедра иллюзий», – пожал плечами Вили.

– А почему ты назвал меня господином? – Мне вправду было интересно. Вдруг он издевался?

– Нам по правилам положено обращаться с уважением к любому, зашедшему в академию по делам. Да здесь и особого разделения между учениками нет, никого не волнует, насколько ты богат и знатен. Хотя имеются, конечно, выскочки... Ага! Вот мы и пришли. – Вили резко остановился перед неприметной белой дверью, каких мы уже миновали несколько десятков. – Ну удачи тебе, Лэй, еще увидимся.

– Постой, как же мне обратно дорогу найти? – Я даже слегка испугался, представив, что придется в одиночку петлять по этому странному зданию.

– Попроси любого. У нас не принято отказывать в помощи, – сказал Вили, уже разворачиваясь, чтобы уйти. – Все, бывай.

Забавный, однако, парень. Ну да ладно, не мне судить, у меня имелись дела более насущные. Надо постучаться и войти. Лак'ха, помоги!

– Здравствуйте, – робко произнес я, входя в кабинет.

Помещение было просторным, стены и пол выкрашены в бежевый цвет. Левую стену занимали шкафы со стеклянными дверцами, высотой до самого потолка. За стеклом на полках теснились свитки разных размеров и цветов, и лишь в последнем шкафу стояли немногочисленные книги. Противоположная стена пустовала, не считая пары полочек, заставленных какими-то приборами. Посреди комнаты располагался большой дубовый стол, за которым, спиной к

большому окну и лицом к двери, сидела пожилая растрепанная женщина в ярко-красной мантии. Оторвавшись при моем появлении от бумаг, которыми был покрыт весь стол – немного даже валялось на полу, – она несколько мгновений разглядывала меня. Я не успел смутиться, как ее лицо озарила приветливая улыбка:

– Проходите-проходите. Поступать пришли? Что ж вы стоите? Садитесь! – указала она на кресло перед столом. – Так-так, секундочку, сейчас я найду чистый свиток. – Женщина усердно порылась в ворохе бумаг. – Ага! – С победоносным кличем магесса воздела над головой листик, выуженный из шуршащего бардака. – Итак, уважаемый, начнем.

Интересно, здесь все со странностями?

– Только не думайте, что поступить в нашу академию может каждый желающий. Вам просто повезло, что у нас в этом году недобор эльфов на аграрном факультете. Класс уже сформировали, но очень маленький, так что вы как раз вовремя. Кроме того, я чувствую, у вас имеются некоторые магические способности. Сейчас я задам вам несколько вопросов, касающихся вашей личности, но перед этим активирую специальный артефакт, который позволит мне распознать ложь. Ну и, естественно, проверю, нет ли вашего имени в списках разыскиваемых преступников. Обычные меры предосторожности. А теперь положите, пожалуйста, вашу руку на стол. – Дама принялась водить по столешнице пальцем, вырисовывая замысловатые закорючки и что-то бормоча себе под нос. Я почувствовал, как ладонь немного кольнуло. – Так-то лучше. Теперь можем начать. Итак, назовите ваше полное имя. – Магесса взяла в руку перо и склонилась над бумагой.

– Лэйариел Вэй’иллоский. – Язык мой хотел самостоятельно добавить еще и титул, но я сдержался. Привычка, так и не исчезнувшая с годами...

– Вы уже проходили какое-нибудь обучение?

– Да, я получил начальное образование в храме Листвы.

– Отлично! Значит, вам будет проще. Почему вы решили поступить в академию?

– Хочу после обучения получать стабильный доход и жить спокойно.

– Чем занимались до прихода в академию?

– Я путешествовал. – А что, правда ведь. Не говорить же ей, что бродяжничал.

– Ладно, этого достаточно. Теперь подождите – я сообщу о вас господину ректору. – Женщина достала из-за пазухи небольшой круглый медальон и что-то в него зашептала. Как я понял, эта штука предназначалась для переговоров на расстоянии. Через минуту она оторвалась от артефакта и произнесла: – Ректор ждет, он хочет лично переговорить с вами. Его кабинет располагается довольно далеко от моего, и поэтому, чтобы вы не заблудились, его магичество откроет мини-портал.

Минуты две ничего не происходило. Затем послышался громкий скрип и звук рвущейся ткани. Прямо позади меня в воздухе открылся проход, на другом конце которого виднелась большая дубовая дверь.

– Идите, не заставляйте милорда ждать. И вот, возьмите бумагу, которую я заполнила, отдадите ее ректору. – Она протянула мне исписанный свиток. – До встречи, Лэйариел.

– До свидания. – Я взял документ. Встал со стула, подошел к порталу, опасливо заглянул внутрь. Секунду помявшись, шагнул напрямиком к двери.

На несколько мгновений у меня появилось странное и неприятное чувство. Непонятно было, где низ, а где верх – полная пространственная дезориентация. Но это вскоре прошло, и портал вынес меня к кабинету ректора. Очутившись на месте, я постучался и вошел.

Честно говоря, ожидал увидеть просторный кабинет, множество приборов, шкафы с толстыми древними фолиантами, бородатого старца, от которого так и веет силой, ощутить атмосферу загадки и тайны. Но попал в маленькую скромную комнатку. Посередине стоял старенький небольшой стол с разбросанной по нему канцелярской утварью и два потертых кресла. Слева от меня, у стены, имелся шкаф, забитый разнообразными бутылками с горячительными напитками. На правой стене висела картина, изображавшая смуглого горбоносого мужчину с властным взглядом. Наверное, это был арвалийский император. Но больше всего меня удивил человек, одетый в

коричневую мантию, который стоял ко мне спиной и смотрел в окно, сцепив руки на поясице в замок. Может, он думал, что таким образом выглядит более эффектно? Но, учитывая его рост и комплекцию, это скорее смотрелось забавно.

Ректор медленно повернулся ко мне и приветливо улыбнулся. Маленький, примерно мне по плечо, пухлый, с внушительным пузом и лысеющей головой. Ну никак он не походил на великого мага – скорее уж на успешного торговца, булочника или хозяина солидного трактира... Его полное лицо так и лучилось добродушием, я даже невольно улыбнулся в ответ. В хитрых, но в то же время наполненных снисходительной мудростью прожитых лет карих глазах читалась чуть ли не родственная забота. Будто к нему зашел не я, а его любимый внук.

Дав вдоволь собой налюбоваться, ректор указал на кресло и произнес:

– Что же ты стоишь, мой мальчик? Присаживайся. Может, хочешь выпить чего-нибудь?

– Нет, спасибо, – растерянно промямлил я.

– Ну и зря! А вот я не откажусь. – С этими словами он подошел к шкафу и выудил оттуда бутылку красного вина. Сел за стол, щелкнул пальцами – и прямо из воздуха перед ним материализовался бокал, в который он плеснул рубиновой жидкости. Пригубив немного, ректор причмокнул от удовольствия и продолжил:

– Отличное вино. Умеют твои собратья создавать воистину прекрасные вещи! Итак, как твое самочувствие?

– Нормально. – Я даже опешил от такого вопроса и потому немного запнулся.

– Вот и чудесно, потому что занятия начинаются уже завтра. Группу мы почти набрали, так что ты прибыл очень вовремя. Давай ту бумажку, что Минда заполнила.

Я протянул документ и подождал, пока он с ним ознакомится. Быстро пробежав свиток глазами, ректор обратил на меня вдруг сделавшийся торжественным взгляд.

– Итак, Лэй, поздравляю с поступлением в знаменитую магическую академию Светлой Арвалийской империи... – потом, вдруг оборвав сам себя, рассмеялся: – Извини, обожаю пафосные речи. Лучше поговорим с тобой о некоторых нюансах. Вот, – он снова щелкнул пальцами, и передо мной появилась маленькая книжечка в черном переплете, – ознакомься на досуге, это правила, действующие для всех студентов моего заведения. Ах да, еще кое-что – настоятельно рекомендую слушаться Протерия.

– Кого?

– Ах да, учащиеся называют его дядькой, – пояснил он, улыбнувшись. – Теперь о материальной стороне дела. Ты уже, наверное, знаешь, что академия предоставляет малоимущим студентам жилье и стипендию. Мы всегда держим про запас несколько арендованных помещений, так что тебе не придется ждать. В квартале отсюда есть хорошая комнатка со всеми удобствами. Хозяйка – очень милая пожилая дама. Завтрак и ужин оплачены и входят в пансион. Обедать будешь в нашей столовой – неплохо, кстати, кормят. И насчет стипендии: в твоем случае она составляет пять леонов. – При этих словах мои глаза невольно округлились: целых пять золотых! – Не ахти, конечно, особо не разгуляешься, но прожить месяц вполне можно. Ну в принципе, если оптимально распределить затраты, знать, какие таверны посещать, то можно неплохо проводить выходные...

Далее его магическое вслух рассуждал о всевозможных питейных заведениях Релота. Где какие блюда подают, где за небольшую цену можно получить сносную выпивку и прочее. Даже просветил, в каком из трактиров публичные девки красивее... Я никак не мог прийти в себя. Интересно, какие же суммы жертвует магическим академиям император, что милорд ректор может позволить себе выдавать стипендию в целых пять золотых? Далеко не каждый мастерской получает такое жалованье!

– Ах да, что-то я немного заболтался, – вдруг спохватился почтенный волшебник. – Что ж, будем считать, ты меня понял. На первый раз деньги выдам тебе я, потом раз в месяц будешь приходить к нашему казначею. – С этими словами он поднялся из кресла, подошел к портрету императора и отодвинул картину в сторону. За ней обнаружился небольшой сейф, из которого ректор и достал монеты. Вернувшись на место, поставил передо мной приятно звякнувший столбик. – Вот, держи.

Я дрожащими руками сгреб их в кошелек. Все равно как-то слабо верилось, что эти деньги теперь мои.

– Ах да, кое-что забыл. По окончании обучения выпускник должен год отработать там, куда направит его академия. Согласен с таким правилом? – Ректор испытующе уставился на меня.

– Конечно! – Какая мне разница, где потом работать? Так даже проще, не нужно устраиваться самому. А вообще... все равно предстоит в земле ковыряться.

– Вот и славненько. Значит, так, учеба начинается завтра в девять утра, расписание найдешь в холле на первом этаже. Так, вроде все... Нет! Не совсем. – Ректор схватил со стола клочок бумаги, перо и быстро черкнул пару строк. – Это адрес твоего нового места жительства. Хозяйку зовут тетушка Полли. Пожалуйста, поучтивее с нею. – Он протянул мне бумажку, на которой корявым почерком было выведено: «Улица Звездная, дом четыре». – Ах да, и еще кое-что: негоже студенту не знать имени ректора. Борей Алафирский к вашим услугам, – склонил он голову и рассмеялся. – Теперь точно все! Еще увидимся, Лэй. Учись прилежно.

– До свидания, милорд ректор. – Я встал из-за стола и направился к двери.

– Смотри не опоздай завтра, – донеслось мне в спину.

– Ни в коем случае, ваше магичество!

Нет, в этом заведении точно все со странностями! Но, несмотря на некоторые чудачества, нежную любовь к вину и это постоянное «ах да», ректор показался мне очень приятным человеком.

Выйдя в коридор, я опять растерялся: вокруг не было ни души – некого попросить, чтобы меня проводили до выхода. Тогда я просто решил пойти наугад – все равно кого-нибудь по дороге встречу и уж тогда спрошу дорогу. Не тут-то было! Коридоры раздваивались и растраивались, плавно перетекали друг в друга, заворачивали под прямым углом, неожиданно обрывались тупиками. И самое главное, никого я так и не встретил! Спустя час таких метаний я чувствовал себя узником в древнем лабиринте и уже всерьез опасался остаться здесь навсегда. Эльфу гораздо уютнее в лесу, нежели в таких вот хитроумных

каменных ловушках! Наконец коридор, по которому я почти бежал, резко повернул направо и все же столкнул меня с группой студентов, которые что-то обсуждали и громко смеялись. Решив, что наконец нашел свое спасение, и помня слова Вили о простоте и дружелюбии здешних нравов, я смело подошел к ним и вежливо проговорил:

– Извините за беспокойство, но не мог бы кто-нибудь из вас проводить меня до выхода из академии?

Наступила тишина. Люди с интересом уставились на меня, но никто не произнес ни слова. Мне навстречу шагнул немного слащавый на вид (хоть и не эльфу судить о слащавости) черноволосый и черноглазый парень в чрезмерно дорогом бархатном камзоле, пуговицы которого были украшены крупными изумрудами. Судя по надменному выражению смазливой физиономии, он очень гордился собой. Театральным жестом откинув со лба капризный локон, он издевательски протянул:

– Ого, вы посмотрите, кто тут у нас! Землепашец впервые увидел каменный дом и потерялся? – Компания разразилась громким хохотом. Вот я и столкнулся с реалиями академии – до этого мне, наверное, просто везло на хороших людей. – Да как ты, вонючий длинноухий крестьянин, вообще осмелился обратиться в таком неуважительном тоне к благородным господам? За такое оскорбление...

– Довольно! – раздался у меня из-за спины властный голос, и тут же в воздухе повисло напряженное молчание. – Как вы смеете нарушать правила академии?

Я обернулся. Прямо за моей спиной стоял пожилой мужчина в фиолетовой мантии. Видимо, он только что вышел из-за того поворота, откуда появился и я. Выглядел он серьезно, даже мрачно и весьма внушительно: черные волосы, тронутые сединой, сурово сведенные густые брови, серо-голубые глаза, в которых читалось явное недовольство услышанным.

– Я... – Парень, наседавший на меня, хотел что-то сказать, но мужчина перебил его:

– Не перечить преподавателю! – Тут он обратил внимание и на меня: – Вас я сам провожу, следуйте за мной. – Маг медленным шагом направился дальше по коридору. Когда мы проходили мимо студентов, профессор тихо обронил: – А с

вами, «благородные господа», мы встретимся на занятиях.

Эх... Вот и появились у меня первые недруги. А все так хорошо начиналось! Вместе с преподавателем мы двинулись по бесконечным переходам. Я не знал, что мне говорить и как к нему обращаться, а сам он разговор не начинал. Так мы и проделали весь путь в молчании. Шли долго, я уже потерял счет всяким поворотам и перекресткам. Все это время размышлял о своем новом положении. Первое, что мне следовало сделать, – вымыться и купить новую одежду. Да, и неплохо бы пообедать. Надо будет что-нибудь придумать...

Через некоторое время мы вышли в холл второго этажа. Мой провожатый повернулся ко мне и сказал:

– Все, отсюда доберетесь самостоятельно, просто спуститесь по лестнице. Насколько я понимаю, вы новый студент и только что поступили?

– Да, меня зовут Лэйариел Вэй’иллоский, и меня взяли на аграрный факультет, – отчеканил я.

– Отлично. Я профессор Алишер. Возможно, буду преподавать у вас алхимию. До встречи на занятиях, Вэй’иллоский, – сухо бросил он, отворачиваясь.

– До свидания, профессор, и спасибо вам большое за помощь.

– Не стоит благодарности. Это моя обязанность.

Так мы и разошлись: Алишер направился обратно, а я двинулся в сторону лестницы. Спустившись на первый этаж, поискал расписание. Обнаружил его на стене, недалеко от двери. Как я и полагал, первый день обучения состоял из вводных лекций. Запомнив, что мне требовалось, я пошел к выходу, возле которого меня окликнул Протерий:

– Ну что, приняли?

– Да, дядька.

– Отлично, теперь ты наш. Значит, могу обращаться к тебе как хочу. Так что до встречи, ушастый.

– До свидания. – Здесь даже привратник странный.

Я вышел на улицу и направился к коновязи, за Ричардом, по пути укоряя себя: «Он уже, бедный, наверное, извелся, а хозяина все нет». Так и было: осел кинул на меня оскорбленный взгляд и отвернулся.

– Ладно тебе, Ричард, извини, что задержался. Сейчас пойдем искать наше новое жилище. – Я отвязал его, и мы покинули территорию академии.

Теперь следовало найти Звездную улицу, четвертый дом. Это не заняло много времени, и вскоре я уже стоял перед аккуратным трехэтажным особнячком с розовыми стенами и красной черепичной крышей. Пансион окружал небольшой уютный дворик с цветочными клумбами. Я остановился у калитки и размышлял, как бы повежливее заявить о своем приходе. Как же все-таки сложно возвращаться к нормальной жизни! Скитания сделали меня робким и все время ожидающим подвоха. Так я ничего и не успел придумать. Между тем на крыльцо вышла очень милая старушка – невысокая, пухленькая, румяная, в крахмальном чепце и опрятном сером платье, поверх которого был повязан белоснежный передник. Улыбнувшись, она обратилась ко мне:

– Ты, наверное, Лэй? Что ж стоишь у калитки, как неродной? А ну проходи в дом, обед уже готов.

– Но ректор мне сказал, что оплачены только завтрак и ужин, – удивился я.

– А, не бери в голову, ты что, думаешь, я тебя голодом морить буду? Ты себя в зеркало видел? Да тебя кормить и кормить надо! Давай, веди свою скотину на задний двор, там у меня конюшня есть, о нем позаботятся. Потом чтобы мигом за стол.

Я отвел Ричарда в конюшню, которая и вправду была неплоха, и поручил его заботам конюха. Зайдя в дом, отметил про себя, что хозяйка умеет создавать уют. Здесь царил идеальный порядок, мебели было немного, и помещение казалось от этого очень просторным и светлым. В столовой, за столом, заставленным разнообразной аппетитной снедью, меня уже ждала старушка.

- Садись, обедать будем.

- Благодарю вас, леди.

- Зови меня просто тетушка Полли. Ты кушай, кушай!

Два раза уговаривать меня не пришлось, я накинулся на еду – все было поразительно вкусным.

- Нравится? – жалостливо глядя на меня, спросила хозяйка.

Я промычал с набитым ртом что-то вроде «угум».

- Ты ешь, ешь, а то вон какой худющий. Кормить тебя надо побольше...

Она еще много чего говорила, но я почти не слушал, а просто поглощал все, что было на тарелках, иногда кивая для приличия. Насытившись, вспомнил кое-что и обратился к тетушке:

- Извините, но у меня к вам просьба. Я только с дороги и весь в пыли. Не могли бы вы распорядиться приготовить мне ванну?

- Не беспокойся, я еще перед обедом дала слугам указания насчет этого. Так что пойдем, я покажу тебе твою комнату. Там уже, наверное, все готово.

Мы поднялись на второй этаж, где находились спальни. Моя комната оказалась в самом конце коридора. Тетушка Полли открыла передо мной дверь и сказала:

- Ну вот, проходи, располагайся. Грязную одежду кинь возле двери, ее заберет служанка, чтобы постирать. А я побежала, у меня еще дел много, – с этими словами она развернулась и ушла.

Комната меня очень порадовала: стены обиты светлым ситцем, на окне – занавески из той же ткани. У дальней стены стояла большая кровать, заваленная вышитыми подушками и подушечками. Еще здесь имелось удобное кресло, рядом с ним – маленький кофейный столик. И что мне больше всего

понравилось, в углу скромно примостился аккуратный письменный стол. Будет где заниматься. Слева у стены громоздилось нечто большое, накрытое куском плотной материи. Точно, это зеркало! Видимо, тетушка Полли из тех, кто верит в глупые предания. Наконец взгляд остановился на самом вождеденном предмете – посреди комнаты исходило паром большое корыто, наполненное горячей водой. Рядом на полу лежало полотенце, баночка с мылом и гребень. Быстро скинув с себя одежду и содрав тесемку, стягивавшую волосы в слипшийся от пыли и пота пучок, я окунулся в благословенную водичку. Немного понежившись в ласковом тепле, принялся остервенело втирать в волосы мыло. На черные струйки, стекавшие с головы, старался не смотреть. Полчаса спустя, когда вся грязь с меня перекечевала в корыто, я вылез и, насухо вытершись, обернул вокруг бедер полотенце. Теперь мне предстояло уже полузабытое занятие – расчесывание.

Сдернув с зеркала ткань, я уставился на свое отражение так, словно передо мной был незнакомец. Я и вправду уже отвык и от амальгамы, и от своего нормального вида. Хм... Конечно, по эльфийским меркам я не красавец, но по человеческим меня можно назвать весьма привлекательным юношей. Ярко-зеленые глаза и свойственные всем уроженцам Даллирии мягкие, тонкие черты. Только вот лицо не такое одухотворенное, как у большинства моих сородичей. Как-никак я пять лет бродяжничал, и это наложило на облик свой отпечаток. И что еще всегда так нравится человеческим женщинам – светлые, отливающие серебром волосы, спускавшиеся немного ниже плеч. Из-под них торчали заостренные уши. Тело мое и вправду по сравнению с человеческим выглядело излишне худощавым. Нет, конечно, все мышцы, какие полагалось иметь мужчине, находились на положенных местах. Это если присмотреться. А если добавить чуточку оптимизма, то меня можно даже назвать не просто тощим, а поджарым.

Посчитав, что достаточно себя разглядел, я хотел было расчесаться, но... Не смог пошевелиться, даже не сумел оторвать взгляд от зеркала. Что за мортовщина?! Вдруг мое отражение стало медленно таять, а амальгаму заволкло дымкой. Сквозь нее проступила странная картинка, на которой я увидел себя. Тот я, повзрослевший, холеный, в ректорской мантии, стоял за трибуной и что-то говорил. В аудитории находилось множество магов, которые с интересом слушали меня. От этого изображения прямо-таки веяло силой, и на какую-то секунду я почувствовал себя великим чародеем. Картинка мигнула и потускнела, сквозь нее проступили и стали приближаться две черные блестящие точки. Вскоре я понял, что смотрю в чьи-то наполненные страхом и недоверием глаза. Судя по разрезу, они были не человеческие и точно не эльфийские.

Орочьи? Собрав всю свою силу воли, я крепко зажмурился. Оцепенение ушло, тело снова обрело подвижность. Я опасливо заглянул в зеркало, но увидел только свое отражение. Что за шутки? Это такое посвящение в студенты или что? Неизвестная волшба, морок? Какой-то идиот решил меня напугать? Если честно, то ему это удалось! Больше никогда не буду смотреть в это проклятое зеркало! Я поспешно накинул на него ткань и принялся судорожно расчесывать волосы.

Мара

«Не люблю толпу!» – думала я, двигаясь в суетящемся, расплзающемся в разные стороны человеческом потоке. Может быть, для этого вывода моего опыта было недостаточно: такое количество разумных существ, собранных вместе, я видела всего второй раз в жизни. Впервые попала в большой город во время нашей с отцом памятной поездки пять лет назад. Но мне и этого хватило, чтобы утвердиться во мнении: не люблю толпу.

Вчера вечером я прибыла в Мизар. На заставе таможенник отнесся ко мне без всякого интереса. Появление орков в приграничном городе не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Время от времени, хоть и редко, и ненадолго, сюда наведывались степные воины, чтобы выменять оружие и муку на звериные шкуры и коней. Так что мне пришлось только заплатить пошлину – две серебряные монеты за себя и одну – за Зверя и ответить на несколько ничего не значащих вопросов. Потом я нашла на окраине постоялый двор, где и переночевала. И теперь, с первыми лучами Атика, отправилась на поиски школы телохранителей. Мизар – интересный город, он весь расположен на холмах. Его запутанные улицы то поднимаются вверх, то ныряют вниз. Поэтому я оставила Зверя на конюшне постоялого двора, предварительно оскалившись в лицо хозяину, чтобы тот прочувствовал, что его ждет, если с жеребцом что-нибудь случится. Перепуганный дядька с поклонами заверил, что будет лично присматривать за Зверем, а конь одарил меня обиженным взглядом. Я на прощание погладила черную гриву и отправилась в путешествие по улицам просыпающегося города. Кого здесь только не было! Спешили по своим делам ремесленники – их я научилась отличать еще в прошлый раз. Мужчины в темной рабочей одежде, с хмурыми лицами и натруженными руками не обращали внимания на утреннюю суету, целеустремленно пробиваясь к своим мастерским. Торговцы открывали лавки и заодно зазывали в них горожан. Некоторые расположились на обочинах, повесив на шею большие деревянные доски, на которых лежала вкусно пахнущая еда или всякие нужные в хозяйстве мелочи.

В основном толпа состояла из людей, но изредка в ней попадались эльфы. Тонкие, гибкие, светловолосые, с ярко-зелеными или небесно-синими глазами, они высокомерно поглядывали на окружающих, стараясь обходить их так, чтобы не прикоснуться даже краем нарядной дорогой одежды. Это удавалось не всегда, и каждый раз, столкнувшись с человеком, ушастые едва заметно морщили носы. При взгляде на меня они придавали лицам равнодушное выражение, за которым пряталась враждебность. Не любим мы друг друга. Когда-то, настолько давно, что память о тех событиях осталась только в легендах, наши народы воевали друг с другом за обладание Ятунхеймом. То есть это он сейчас так называется. А раньше именовался Валдхеймом – Богатым лесом. В нем было много дичи, ягод, грибов, лещины. Наши предки охотились там, добывали пропитание, а ушастые всячески этому противились, потому что считали лес своей вотчиной. Из-за этого между нашими народами происходили постоянные стычки, переросшие потом в большую войну.

Орки победили, и эльфам пришлось искать себе другое пристанище, что они и сделали, поселившись в Бриллиантовом лесу. Но эти сукины дети не были бы эльфами, если бы не совершили на прощание подлость. Так и произошло. Их маги жизни, тогда еще не такие могущественные, как сейчас, но уже хитрые и вредные, что-то наколдовали с силой леса, и в Валдхейме появилось зло. С орками, которые там охотились, стали происходить непонятные вещи. Они превращались в чудовищ – теряли способность мыслить, разговаривать, покрывались чешуей и в конце концов начинали нападать на своих же соплеменников. Они кусали своих женщин, детей, и те тоже превращались в злобных, бессловесных, тупых тварей. Наши шаманы не в силах были вылечить несчастных, смогли только остановить распространение заразы. Выродков пришлось перебить. Но некоторые из них сбежали в Валдхейм и остались там жить. Они очень быстро размножились и вскоре превратились в могучую силу, правящую лесом. Зимой им не хватает пищи, и они выходят на охоту в степь, нападая на наши селения. Орки называли их ятунами, что на нашем языке значит голодные. А Валдхейм переименовали в Ятунхейм – Голодный лес.

Так что не стоит и гадать, какие чувства мы испытываем к ушастым. Они платят нам тем же, считая орков чуть ли не животными. Иначе, чем зеленые, нас не называют. Со временем древняя вражда перешла в тихую неприязнь. Делить нашим расам сейчас нечего, эльфы благоденствуют в Бриллиантовом лесу, а орки научились справляться с выродками. Появление такого сильного соседа, как Светлая Арвалийская империя, примирило многие народы. Я не сильна в человеческой истории, но знаю, что эта страна как-то умудрилась прекратить

войны вокруг своей территории. Был даже создан всеобщий язык, на котором беседуют существа разных рас. Сейчас его знает каждый. И все же голос крови не заглушить. Если бы меня спросили, чем мне не нравятся эльфы, я бы затруднилась с ответом. Или сказала бы: «Всем!» Мне неприятны их светлые лица, которые принято считать совершенными, их хрупкие тельца, которые называют изящными, вычурная одежда, плавные движения... В общем, это сложно объяснить, но я не люблю ушастых. И плачу им таким же равнодушно-презрительным взглядом, каким они одаривают меня.

Впрочем, эльфов в Мизаре было мало. Как и выходцев из других земель. Пару раз я заметила в толпе гоблинов. Взрослый мужчина этой расы ростом не больше семилетнего орочьего ребенка. Но все же маленькие существа ловко лавировали в толпе, избегая столкновений. Соплеменников я не увидела: они появятся в городе позже, в начале осени. Поэтому вид шествующей по улице орки в доспехе, с фламбергом на плече вызывал у людей некоторое замешательство. Меня старались обойти стороной. В ответ на попытку выяснить, где же находится Бархатная улица, многие блеяли что-то невразумительное и ныряли обратно в толпу. Наконец я получила желаемый ответ. Его дал мне немолодой стражник:

- Пройдешь вперед во-он до того перекрестка, свернешь направо. Там через два квартала увидишь широкую лестницу. Поднимешься на Голубиный холм, спустишься с обратной стороны - и выйдешь на Бархатную. А ты какой дом ищешь, красотка? Может, я сумею помочь?

- Школу Вельша Милигана.

- А, школа мордобоя! - почему-то обрадовался стражник. - Так она в самом начале улицы! Увидишь, ни с чем не спутаешь. Двухэтажный дом черного цвета. Передавай старине Костолу поклон от Лысого Сэмюэла.

Я поблагодарила любезного стража и решительно зашагала к перекрестку. После длительного перехода через холм наконец остановилась перед черным зданием, которое, даже на мой неискушенный взгляд, смотрелось неприветливо. На вывеске красовались крупные арвалийские буквы. Здесь же для неграмотных были изображены щит и меч. Никаких дополнительных надписей на всеобщем не имелось. Значит, орков тут не ждут... Ну да ничего. Попробовать-то можно. Возле двери болтался на цепи деревянный молоток. Им я и постучала. Никто не ответил. Еще раз. Снова никакой реакции. Пожав плечами, потянула дверь на

себя, и та неожиданно легко подалась. В небольшом помещении без окон царил полумрак. Я вошла, осмотрелась, но никого не обнаружила. Зато нашла узкий коридор, по которому и двинулась, ориентируясь на раздававшиеся откуда-то звуки. Теперь стало понятно, почему на мой стук не обратили внимания. Его заглушали мерные удары и грохот от падения чего-то тяжелого, а также азартные вскрики. Коридорчик привел меня к плотно затворенной двери, из-за которой и неслись шумы, обычно сопровождающие драку. Стучать было бесполезно, поэтому я осторожно заглянула. Моим глазам предстал большой зал. Вдоль стен стояли какие-то интересные приспособления, длинные лавки и стойки, в которых торчали деревянные мечи. Посреди помещения двое молодых парней сошлись в рукопашной схватке. Третий лениво развалился на лавке, наблюдая за ними, и время от времени подначивал дерущихся:

– Ну и что ты его обнял, как бабу? Поцелуй еще! Подсечку делай! Двигайся, двигайся, не стой как деревянный!

Время от времени один из противников швырял другого на пол. Но поверженный тут же вскакивал, и драка начиналась снова. Учебный бой. А это – будущее... как их там? Телохранители. Только вот понукающий их парень, как мне показалось, никак не тянул на наставника. Из слов стражника я поняла, что хозяин школы должен быть гораздо старше. Решив спросить, где мне его найти, я вошла в зал. Тот, что сидел на лавке, заметил меня первым и тут же потерял интерес к драке.

– Ищете кого, леди? – растягивая слова, спросил он.

– Мне нужен Вельш Милиган, хозяин этой школы.

Парень задумчиво оглядел меня, очевидно собираясь продолжить расспросы. Но почему-то передумал.

– Костолом у себя. Я схожу за ним. Вы можете подождать здесь, леди. Присядьте пока на скамью.

Он вышел вразвалочку, а я опустилась на низкую лавку. Как только за моим собеседником закрылась дверь, ученики прекратили тренировку и беззастенчиво уставились на меня. Они тихо перекинулись парой фраз, после чего высокий белокрысый здоровяк (по человеческим меркам, конечно) поинтересовался:

– А ты к нам зачем?

Я смерила его равнодушно-холодным взглядом. Обычно после такого люди стеснялись продолжать беседу и старались оказаться как можно дальше от меня. Но белобрысый был не из робких.

– Так что, орка? – настаивал он. – Или наш Костолом завел себе зеленую возлюбленную?

Последняя фраза явно походила на попытку оскорбить меня. Второй ученик – смуглый, черноглазый, обритый налысо – весело хохотнул. Не на ту напали. Я медленно растянула губы в улыбке, во всей красе показав клыки.

– Тебя не устраивает цвет моей кожи?

Здоровяк нахмурился. Судя по выражению лица, обдумывал очередную уничижительную реплику. Смуглый покачал головой и хлопнул его по плечу:

– Хорош, Ник, во имя Лавры. Не стоит так разговаривать с леди.

У этого ученика было круглое скуластое лицо, глаза, немного удлиненные к вискам, и веселая, плутовская улыбка. Невысокий, коренастый, но гибкий, он выглядел более безобидным, чем его громоздкий товарищ. Но по опыту знаю: порой такие, как он, на поверку оказываются лучшими бойцами – сильными и выносливыми.

– Не обращайтесь внимания, леди, – дружелюбно усмехнулся парень. – Меня зовут Ал.

– Мара. – Я встала и протянула руку.

– А можно узнать, вы к нам по какому делу? – спросил Ал.

– Хочу поступить в вашу школу.

– Ну дела! – издевательски захохотал Ник. – Кто же наймет в телохранители бабу, да еще и зеленую!

Парень старательно нарывался на драку. Почему бы и нет? Если так просит... Я ласково улыбнулась:

– Может, хочешь проверить, на что способна зеленая баба?

Люди мало что знают о нашем племени. Мы давно уже живем обособленно, на человеческие селения не нападаем, но и дружбы с людьми не водим. Нам хлопот с ятунами хватает. Если бы белобрысый хоть немного интересовался древними легендами, может, и знал бы, что физической силой орки превосходят людей примерно вдвое. Это мужчины мужчин. Ну а я так... немножко.

Между тем Ник продолжал кривляться. Вот непонятно, чего его разбирает? Я медленно прошла по залу.

– Так что? Смотрю, вы здесь в рукопашном бою состязались? Разомнемся?

Смуглокожий ученик оказался более осведомленным о природе орков. Или, может, просто умнее был.

– Не стоит, Ник, – спокойно произнес он. – Клянусь худыми сапогами Десида, Костолом не одобрит.

Я прислонила фламберг к стене, грозно взглянув на Ала. Затем поставила рядом лук и колчан. Остановилась посреди зала и приглашающе развела руки. Ник еще раз хохотнул и медленно двинулся ко мне, маня раскрытой ладонью. Отвлекал, значит. Не двигаясь с места, я внимательно рассматривала противника. А он силен. Ростом почти с меня будет, в плечах примерно такой же. Но рыхловат. То есть это почти незаметно из-за груды мускулов, но вот в длительном бою, где требуется выносливость, я бы поставила на Ала. Этого Ника надо гонять побольше, бегать заставлять, что ли. И негибкий он какой-то. Двигается, как страдающий запором медведь после зимней спячки. А ведь рукопашный бой – это не только тупая сила. Скорость и гибкость едва ли не важнее.

Наконец Ник приблизился ко мне и с воплем:

– А ничего баба-то! – обхватил поперек туловища, пытаюсь бросить на пол.

Дурак он, что ли? Хоть бы руки мне попытался прижать. Я ударила его ребром ладоней по ушам – так, не очень сильно, но чувствительно. От боли парень ослабил хватку и тут же получил удар головой в лицо. Подсечка завершила дело, и Ник рухнул мне под ноги. Я шагнула назад, наблюдая за тем, как он ощупывает физиономию. Будь это настоящая драка, его следовало бы добить. Но мы ведь на учебном бою, правда? Костолому вряд ли понравится, если я с порога начну калечить его подопечных.

– Ах ты, гнида зеленая! – взревел Ник и ринулся вперед.

Ну чего ему мой цвет дался? Ученик разошелся не на шутку. Если первое его нападение больше походило на игру или пробу сил, то теперь он решил взяться за меня всерьез. Некоторое время мы ходили по кругу, делая обманные движения. Нападать первой я не собиралась. К чему? Пусть он попотеет, больше вымотается. А выдержка, как меня учил отец, одно из условий победы. Как я и ожидала, Ник не сдержал своей злобы на зеленую наглуую бабу и, прыгнув вперед, левой рукой ухватил меня за грудки, правую занеся для удара. Уклонившись от его кулака, я ударила парня ногой в колено, оторвала от себя его руку и вывернула ее назад. На какой-то миг во мне вспыхнуло желание сильнее надавить на локоть. Но я сдержалась. Толкнула вперед, отпустив руку и придав скорости легким пинком под зад. Ник перекувырнулся через плечо и вскочил, горя желанием продолжить бой. Боковым зрением я заметила, как кто-то вошел в зал, и решила закончить представление. Выхватив из-за пояса кнут, своим любимым ударом по ногам подсекла противника. Ник снова упал, отчаянно ругаясь и грозя мне скорой жестокой расправой.

– Достаточно, – прогудел низкий хриловатый голос. – Вы приняты в школу мордобоя, леди. А от тебя, Ник, я ожидал большего.

В дверях стоял немолодой широкоплечий человек. Короткий ежик седых волос, загорелое лицо, прорезанное глубокими морщинами, кривой, неоднократно переломанный нос, твердый подбородок и острый, недобрый взгляд светлых глаз – Вельш Костолом выглядел настоящим воином.

Поверженный ученик запротестовал:

– Это был нечестный бой! Она ударила кнутом!

– Когда на тебя нападут по-настоящему, ты тоже будешь следить за тем, чтобы все было честно? – скривился хозяин школы. – А я считал тебя одним из лучших.

Ноздри Ника раздулись, как у разозленного быка, на скулах заиграли желваки, зубы сжались чуть не до скрежета. Я сочла нужным вмешаться:

– Он прав, наставник. Это действительно был нечестный бой.

Светлые брови Костолома вопросительно приподнялись:

– Вот как?

– Да, наставник. Орки от природы гораздо сильнее людей, а еще мы рождаемся воинами и с детства учимся драться. Только я знала об этом, а твой ученик – нет. Он продержался очень долго. Немногие смогли бы сделать больше.

Вельш неопределенно хмыкнул, Ал восхищенно присвистнул, помянув Тира с Белионом. Освободив ноги от хлыста, Ник поднялся и уставился на меня, словно прикидывая, ринуться ли снова в драку, невзирая на запрет Костолома, или подождать до следующего раза. Я разрешила его сомнения, сделав шаг вперед и протянув руку. Немного помявшись, он ответил пожатием.

– Обучение в школе мордобоя стоит пять золотых, леди, – произнес Вельш.

Кивнув, я отвязала от пояса мешочек с деньгами и сунула туда пальцы. Пальцы наткнулись на что-то гладкое, издающее легкий шелест при прикосновении. Я вытащила наружу уже изрядно помятый белый конверт и протянула Костолому:

– Да, чуть не забыла. Это тебе, наставник.

Тот развернул письмо, оставленное мне Свиртлом, и быстро его просмотрел. Поднял на меня глаза, внимательно изучил с головы до ног, затем снова углубился в чтение.

– Пойдемте в мой кабинет, Мара. Есть разговор.

Костолом резко развернулся и вышел. Подхватив фламберг и лук, я последовала за ним. Ученики проводили нас удивленными взглядами. Мы поднялись на второй этаж, Вельш толкнул неказистую дверь и пропустил меня вперед, следом зашел сам. Его кабинет был так мал, что, когда мы оба оказались внутри, стало тесно. Сразу видно было, что здесь живет воин. Ничего лишнего: обстановка не богаче, чем в шатре орка. Только вместо шкур, на которых у нас принято спать, здесь стоял узкий топчан. Кроме него и еще квадратной лавки, больше в комнате ничего не было. На постоялом дворе, где я ночевала, и то имелось больше предметов, которые люди называют мебелью. Зато оружия хватало. Стены украшали мечи разных размеров и форм: от огромного, в полтора раза длиннее, чем мой фламберг, двуручника до короткого узкого меча, больше похожего на длинный кинжал. Одноручные мечи, бастарды, сабли и непонятные длинные тонкие штуки, при виде которых я усмехнулась. С таким мечом против ятуна – одного вздоха не продержишься.

– Шпаги, – пояснил Вельш, проследив за моим взглядом.

Он уселся на топчан, указав мне на лавку.

– Итак, – он заглянул в письмо, – Мара, я ошибся... – Он немного помолчал, ожидая моего вопроса. Его не последовало. Одобрительно кивнув, Костолом продолжил: – Я ошибся, называя плату за обучение. По просьбе моего старого друга я буду заниматься с тобой бесплатно.

Такая щедрость меня удивила. С чего бы? Ведь это его заработок. Поэтому опять промолчала, чувствуя, что Костолом еще не все сказал. И точно.

– Но с одним условием... – Снова затянувшаяся пауза, после которой Вельш хохотнул. – В искусстве переговоров тебе нет равных. Условие таково: после окончания школы ты пойдешь служить к тому, на кого укажу я сам.

Странное требование. С одной стороны, вроде бы оно мне ничем не угрожало. Наоборот, я и сама надеялась, что после обучения хозяин школы замолвит за меня словечко. Он в городе, как я поняла, личность известная и уважаемая. Его даже стражники на улицах знают. Так чего плохого в том, что он сам выберет мне работу? С другой стороны, именно то и настораживало, что Костолом выделил это отдельным условием. Зачем ему? Понятно было бы, если бы он, обучая меня бесплатно – в долг, скажем так, – потом потребовал отдавать часть

заработка. В первый год службы, например. Что там за работа такая? Может, на нее никто идти не хочет? Почему?

– Ты ничего не подумай, – пояснил мой будущий наставник, – кстати, между нами, служба телохранителя не так опасна, как принято считать и как я внушаю своим ученикам. Чаще всего она сводится к защите подопечного от мелких грабителей, воров и перепившихся бродяг. Сама понимаешь, если человека захотят устранить серьезные люди, они наймут мага. Некроманта, например. И никакой телохранитель не спасет. Поэтому в домах богатых торговцев обязательно живет чародей, распознающий враждебную волшбу и изготавливающий охранные амулеты. А нашими услугами пользуются больше для солидности. Или тогда, когда угроза невелика, чтобы не беспокоить по пустякам мага. Поняла?

Я спокойно кивнула.

– Хорошо. Часто к нам обращаются наниматели, у которых свои, особые требования. Я стараюсь подыскать им подходящего телохранителя. В разумных пределах, конечно. К примеру, в прошлый раз один купец заблажил: хочу, мол, чтобы охранник был немой! Я попытался объяснить ему, что у нас все ребята не из болтливых, но тот уперся – не сдвинешь. Нашел я. Такие наниматели платят больше, лишь бы их условия были выполнены. Случается, что торговцы желают, чтобы у телохранителя не было ни семьи, ни родственников в Мизаре. Им кажется, что тогда он будет лучше нести службу. Я не спорю, зачем отказывать уважаемым людям?

Костолом замолчал. Я раздумывала над его словами. Вернее, над тем, чего он мне не сказал. А не сказал он, как я решила, следующее. Дело не в том, конечно, что у меня нет родственников в городе, и не в моем умении молчать. Просто орки в империи – большая редкость. Они наезжают раз в году, выменивают коней на оружие, необходимые вещи и еду и возвращаются в свои родные степи. С людьми не общаются, не дружат, держатся особняком. Так что наверняка найдется какой-нибудь торговец, которому покажется забавным нанять в телохранители здоровенную орку. Хотя бы для того, чтобы похвастаться перед другими. А за редкий «товар» хозяин школы получит неплохое вознаграждение. Ну а мне-то что до этого? Главное, я получу работу. Дальше подумаю. В конце концов, если мне не понравится, уйду, да и все. И никто не сумеет меня остановить.

– Я согласна.

Мне показалось или нет, что Вельш излишне напряженно ждал моего ответа? Конечно, он ничем не выдал своего волнения, но после моих слов его взгляд неуловимо изменился. В нем читалось облегчение. Вот мне и новая пища для размышлений...

– Срок обучения три месяца. После этого – экзамен. Рукопашный бой и бой с оружием по твоему выбору. Ну да об этом я расскажу позже. Кстати, где ты остановилась, Мара?

– Постоялый двор «Приграничный весельчак».

– Хм... знаю. То еще местечко. Но тебе придется подыскать что-нибудь поближе. Учти – занятия и тренировки будут отнимать все свободное время. Понимаю, конечно, ты и без того хороший воин. Но я никаких послаблений своим ученикам не делаю. Пришла в школу, значит, занимайся как все. Так что советую пансион тетушки Хильды. Не дворец, конечно, но зато близко. Прямо здесь, на Бархатной.

Не дворец... я усмехнулась про себя. Мне-то каждое людское жилище после наших шатров кажется излишне удобным. К примеру, зачем нужны кровати, когда можно спать на теплом деревянном полу? И сидеть на нем гораздо удобнее, чем на скамьях, которые еще и называются все по-разному. Приходилось привыкать, конечно. Но меня забавляла человеческая изнеженность. Подушки, теплые одеяла, множество тряпок на постели, стоящие на окнах странные посудины, из которых торчат мертвые цветы, и множество других непонятных вещей. Но какими бы бесполезными я ни считала все эти штуки, мне приходилось запоминать их названия, назначение, учиться пользоваться, дабы не попасть впросак.

Костолом поднялся, давая понять, что разговор окончен.

– Если мы договорились, жду тебя завтра в семь утра.

Человеческое приспособление для измерения времени – часы – пока было мне непривычно.

– С первыми лучами Атика, – поправился Вельш.

– Хорошо.

Мы обменялись рукопожатиями, и я вышла из кабинета. На лестнице столкнулась с Ником, который смотрел на меня уже не так враждебно. Проходя мимо, даже ухмыльнулся уголком рта. Это хорошо, потому что в мои планы не входило обзаведение врагами. Лучше найти друзей, а враги сами появятся.

Пансион тетушки Хильды находился через два дома от школы Костолома. Ладное двухэтажное строение, выкрашенное в зеленый цвет, было обнесено высоким забором. Во дворе, покрытом жидкой травкой, среди которой торчали редкие чахлые цветы, важно расхаживали белые и черные птицы. Чем-то они напоминали куропаток, только были гораздо крупнее и жирнее. Птицы рылись в траве, время от времени что-то из нее выклеывая. При виде их я вспомнила, что с самого утра ничего не ела. В животе заурчало. Вот бы подстрелить такую птичку на обед!

– Ты что это на моих кур уставилась? – раздался со стороны дома визгливый женский голос.

На крыльце стояла пожилая худощавая женщина. В руках она держала гладкую деревянную дубинку интересной формы. Странное оружие, что-то оно мне напомнило.

– Ну чего пялишься, зеленая? – Старушка воинственно взмахнула дубинкой. – Сейчас как дам скалкой между глаз!

Скалка, ну конечно! На всеобщем языке это обозначает деревяшку для раскатывания теста. Наши женщины тоже пользуются такими штукаами, когда пекут лепешки. Только хлеб – редкость в Холодных степях, даже лакомство. Орки не занимаются земледелием, а муку для лепешек выменивают у людей на шкурки пушного зверя.

– Так что хотела-то? – грозно спросила старушка.

Я с любопытством рассматривала бесстрашную женщину. Маленькая, щуплая, с ехидной остроносой физиономией и пучком редких седых волос, она мне не очень понравилась. Я оскалилась, но, к моему удивлению, никакого впечатления не произвела. Она даже не шелохнулась, только многозначительно похлопала скалкой по ладони. Да у нее душа воина! Я приступила к переговорам:

- Жилье здесь хочу снять.

- А деньги-то у тебя есть? - недоверчиво прищурилась старушка. - У меня комнаты не дешевые. Если без стола, так двадцать крионов в месяц. Крион - такая серебряная монета, понимаешь? А если со столом - тридцать.

- Мне не нужен стол, - поторопилась я ответить.

В самом деле, зачем мне лишняя мебель?

Хозяйка (если это была она) некоторое время смотрела на меня, что-то соображая, потом визгливо рассмеялась:

- Ну ты и темнота! Стол - это еда. Завтрак, обед и ужин.

Я пожала плечами. Откуда мне знать здешние порядки? Так, прикинем... Стражник на заставе дал с золотой монеты сдачу, произнеся при этом: «Ровно девяносто семь, леди, можете проверить». Пересчитывать я, конечно, не стала, но на заметку себе взяла. Значит, в одном золотом сто крионов. Я порылась в мешочке, выудила из него желтый кружочек, после некоторого раздумья добавила к нему еще десяток серебряных монеток и, подойдя к подозрительно наблюдавшей за мной тетке, ссыпала деньги ей в ладонь.

- Это за три месяца вперед, с едой и содержанием моего коня.

Хозяйка на миг замерла, разглядывая свалившееся на нее богатство, зачем-то укусила золотой, потом шустро спрятала монеты куда-то в складки своей юбки. Затем лицо ее чудесным образом изменилось: на нем расцвела сладчайшая улыбка. Выглядела при этом старуха так, словно к ней из дальнего путешествия вернулась единственная и любимая дочь. Каждая морщинка выражала гостеприимство и доброжелательность.

– Конечно, леди. Лучшая комната для леди... – Тут она проделала нечто странное.левой рукой слегка приподняла подол платья, так что стал виден кончик грубого башмака, правую руку, со скалкой, отставила в сторону, отключила зад и, растопырившись, присела, рискуя свалиться с крыльца. – Я Хильда, леди. Для лучших постояльцев – тетушка Хильда.

Озадаченно понаблюдав за ней, я сообразила, что ее поза означает уважительное приветствие. Ну дела! Мне так ни в жизнь не раскорячиться. Впрочем, для этого нужно носить платье. Поэтому я только слегка наклонила голову:

– Мара.

– Очень приятно, леди Мара! – Хозяйка прямо лучилась счастьем. – Позвольте показать вашу комнату.

– Не нужно, я вам доверяю. Сейчас приведу своего коня, а вы приготовьте обед к моему приходу.

– Не извольте беспокоиться, леди Мара! У нас на заднем дворе прекрасная конюшня, – сладким голосом пропела тетушка Хильда. – Я вижу, вам курочки мои приглянулись? Какую зажарить? Пеструшку? Или белую?

Я махнула рукой в знак того, что и это оставляю на ее усмотрение, и отправилась на постоянный двор, где меня уже заждался Зверь. По дороге размышляла о том, что будет со мной в человеческой стране. Люди любят деньги. Это я уже поняла. Немного золота или серебра – и они станут называть леди хоть орку, хоть ятуна, хоть самого морта лысого. Среди орков больше всего ценится умение хорошо охотиться и воевать. Или владение каким-нибудь мастерством. Например, старый Гунвальд, делающий лучшие луки, – один из самых уважаемых членов племени. А здесь любого оценивают по количеству монет. Интересно, что такого люди находят в золоте? Ведь мягкий же металл! Меньше всего ценятся медные деньги – риттоны. По-моему, это несправедливо. Медь обладает гораздо большим количеством полезных свойств. Ну да, как говорится, не ходи в чужое племя со своими законами. Нужно лишь сделать так, чтобы у меня водилось достаточно монет. И тогда все будет в порядке.

Добравшись до постоянного двора, я тут же пошла за конем. Зверь смотрел укоризненно, словно говоря: «На кого ж ты меня оставила?» Я вывела его и, держа в поводу, зашагала к пансиону тетушки Хильды. Там действительно имелась удобная конюшня. Поручив жеребца заботам конюха, прошла в дом. Меня встретила хозяйка и с поклонами проводила в комнату, а сама убежала хлопотать с обедом. Я осмотрелась. Не знаю, хорошо это жилье или плохо. Вроде бы здесь было чище, чем на постоялом дворе, а комната просторней и светлее. И больше ненужных вещей, которым люди придают значение. Широкая кровать с двумя подушками, стол, скамейки. Или как они называются? На окне болтались розовые тряпки, такие же зачем-то висели на стене. На полу лежал ковер. Но больше всего меня удивила стоящая посреди комнаты огромная бочка, полная горячей воды. Она-то что здесь делает? В дверь постучали, и в комнату вошла девушка с большим кувшином в руке. Она присела передо мной в нелепом поклоне.

– Хозяйка прислала меня помочь вам, леди.

– Помочь? – Я даже немного растерялась.

– Да... совершить омовение. Ведь вы с дороги. Сейчас я принесу мыло и полотенца.

Девушка вышла. Так вот для чего эта бочка! До чего же изнежены люди! Мы купаемся в озере, даже летом его вода почти ледяная. А зимой не до омовений. Мы даже спим, не раздеваясь. Что ж, меня сюда никто не звал. А раз собралась жить среди людей, надо привыкать к их правилам. Только вот как надо совершать это самое омовение? Выручила подоспевшая служанка. Она принесла какие-то маленькие посудинки и большие куски мягкой толстой ткани.

– Помочь вам раздеться, леди?

– Я сама.

Скинув одежду, я погрузилась в горячую воду, в которую служанка вылила какую-то тягучую жидкость. Напрасно она это сделала. Запахло цветами, и я тут же принялась чихать. Надо отдать должное девушке: возможно, она и считала странную постоялицу дикаркой, но, получив серебряную монетку, старалась вовсю.

– Какие у леди прекрасные волосы, – щебетала она, намывая мою несчастную голову. – Такие густые, черные, длинные. Если их поднять и завить, выйдет очень красивая прическа.

Представив себя с таким же, как у здешних женщин, сооружением на голове, я фыркнула, о чем тут же пожалела. В нос попала пена, что вызвало новый приступ чихания. Между тем служанка наконец оставила в покое мои волосы и принялась за тело.

– К вашей оливковой коже, леди, очень пойдет платье сиреневого цвета, – говорила она, натирая меня чем-то жестким и колючим.

С платьем она, конечно, погорячилась, а вот новые штаны и рубаху придется купить. Только в какой же лавке я найду одежду на свой рост?

Наконец омовение завершилось. Закутав меня в полотенца – тоже новое слово, – девушка подала мне гребенки.

– Зеркало здесь, леди. – Она раздернула розовые тряпки на стене, обнажив большое, во весь рост, отражающее стекло.

– А зачем оно закрыто тканью? – искренне заинтересовалась я.

– Как, леди не знает? – Служанка испуганно округлила глаза и таинственно прошептала: – Говорят, в зеркалах живет Лак'ха. И если долго смотреть в глаза своему отражению, можно увидеть судьбу. Особенно опасно поворачиваться к зеркалам спиной, богиня может обидеться. Поэтому и принято закрывать зеркало занавесками.

Я недоверчиво хмыкнула. Делать больше нечего Лак'хе, как пялиться из зеркала на кого попало.

– Я расчешусь сама, можешь идти.

Девушка вручила мне два гребня и вышла. Я подошла к зеркалу. Вот еще одно бесполезное человеческое изобретение. Некоторые наши мужчины, желая порадовать жен, привозили из людских земель маленькие кусочки отражающего

стекла. Я никогда в них не смотрелась. Какой смысл бесцельно любоваться на себя? Но сейчас мне неожиданно стало интересно. Захотелось понять, как я выгляжу в глазах людей. Я уставилась на свое отражение. Да... конечно, я резко отличаюсь от окружающих. В общем-то понятно, почему на меня так реагируют. Смоляные, как грива Зверя, волосы, черные, недобро поблескивающие глаза, густые брови, прямой нос, высокие скулы. Если улыбнуться, то из-под верхней губы будут видны острые белые клыки. Кожа... как сказала девчонка? Оливковая? Не знаю, что это значит. Но почему орков называют зелеными? Зеленые листья на деревьях, трава под ногами. А моя кожа просто очень смуглая, с зеленоватым отливом. Тело, хм, почти как у человеческой женщины, только вот самая высокая из них вряд ли достанет мне до плеча. И еще у них нет таких мышц, как у меня. А так...

Вдруг я ощутила, что не могу оторвать глаз от своего отражения. Не то чтобы оно мне очень нравилось, но сверкающее стекло притягивало взгляд, завораживало, не отпускало. Я внимательно вглядывалась в его глубины, и постепенно мое лицо в зеркале бледнело, растворялось, подергивалось туманом, из которого появилась движущаяся картинка. Всадница в блестящем доспехе, на гнедом коне, стремительно неслась ко мне из странного зеркального мира. За нею скакал целый отряд... нет, войско. Огромное, бесконечное, могучее. В странном безмолвии оно летело в мою сторону. Женщина приблизилась настолько, что я могла разглядеть ее черные глаза и зеленоватую кожу. Это была я. Во главе человеческого войска. Неужели служанка права и Лак'ха действительно являет в зеркале свой лик, указывая нашу судьбу? Мне захотелось отойти от серебристого стекла, не испытывать всеильную богиню, но ноги перестали слушаться. Так я и стояла, в странном оцепенении, глядя на новую себя.

Вдруг сквозь эту картину проступили два бледных зеленых пятна. Они становились все ярче, приобретали блеск, и наконец я поняла, что смотрю в чьи-то глаза. Сияющие, ярко-зеленые, они не могли принадлежать ни человеку, ни тем более орку. Это были глаза эльфа. И в них читалось изумление, смешанное с ужасом. Мне и самой стало жутко. Я никогда не испытывала подобного чувства. Всадница исчезла, и я осталась наедине с чужим взглядом. Не знаю, сколько прошло времени, когда я сумела поднять онемевшие, словно неживые, руки и прикрыть лицо ладонями. Когда рискнула снова взглянуть в зеркало, увидела только свое отражение. Тело снова начало меня слушаться. С хриплым стоном, в котором сама не узнала бы собственный голос, я поспешно задернула розовую занавеску и рухнула на кровать. Что это было? Вправду мое будущее, показанное великой богиней? Видение? Чье-то колдовство? А может,

померещилось с голоду? Так или иначе, а я больше в зеркало смотреться не стану! Всегда подозревала, что эта штука до добра не доведет!

Глава 3

Лэй

Прошло уже почти три месяца с того дня, как я поступил в академию. Первые пару недель в холле нашу группу встречал тот преподаватель, чей предмет шел первым. Казалось бы, мы и сами могли найти кабинеты, в которых проходили занятия, – в расписании были указаны их номера. Вот только имелось одно «но»: двери помещений были пронумерованы не обычной краской, а такой, которую можно увидеть только с помощью магического зрения. Самое обидное, что в храме Листвы не уделяли должного внимания элементарной работе с пространством, потому никто из нашей группы наблюдать магические потоки не умел. По этой причине в академии некоторое время нам преподавали в основном теорию магии и техники работ с пространством. Когда же все более-менее научились использовать волшебное зрение и начали ориентироваться в здании, встречать нас перестали.

По теории магии ничего существенно нового я не узнал: все, что нам рассказывали, мне уже было известно и вкратце сводилось к следующему. Прикоснуться к источникам стихий могут только люди и кроверы, потому из представителей этих рас получают боевые волшебники. Но они не в состоянии познать саму природу. На это способны только эльфы: лишь нам известны секреты чар жизни – именно эти способности мои предки называли магией Листвы. Наши чародеи способны напрямую обращаться к природе, повелевать флорой и фауной, заключать союзы с лесными духами. На территории родного леса хороший эльфийский волшебник не уступит даже по-настоящему талантливому и сильному повелителю стихий. Ну еще из нас выходят неплохие помощники крестьянам. Конечно, последнее относится скорее к наименее способным выходцам из Даллирии. Истинный маг, избранный лесом, прошедший все ступени обучения, никогда не станет мараить рук земледелием.

Вот такая градация. Отдельным пунктом стоит шаманство с его танцами и песнопениями. Орки и гоблины очень замкнутые расы и своими знаниями с людьми не делятся. Человеческие волшебники, чтобы хоть как-то объяснить этот раздел магии, предположили, что шаманы своими ритуалами обращаются к духам, которые, в свою очередь, и являются источником силы. Но вот только исследователи не учли одного нюанса: для таких мощных заклятий, которые имеются в арсенале шаманов, ни у одного духа энергии не хватит. Так что источник этого волшебства так и не выявлен. И последнее, но не менее загадочное явление – это продавшиеся. Так, независимо от расы, называют некромантов – существ, заключивших договор с самим Десидом. Продавшийся больше не может обращаться к доступным ему от рождения источникам, он становится адептом магии смерти и отрекается от стихий. Душа его никогда не обретет вечную гармонию и не попадет в Тихую долину, а после смерти некромант будет существовать как лич или прислуживать своему зловещему богу. На территории империи некромантия запрещена.

Единственное, что давалось одинаково представителям любых рас, – это работа с пространством. К этому разделу относятся: создание порталов, перестройка зрения на магический спектр, изготовление емкостей с пространственными карманами и многое другое. Ну и конечно, всем без исключения преподавали алхимию – эта наука не требовала особых магических сил.

За время, проведенное в академии, я понял – эльфов здесь не любят. Наверное, такое отношение объяснялось высокомерным видом уроженцев Бриллиантового леса. И вот ведь парадокс какой: здесь обучались далеко не самые знатные, богатые и уж точно не самые талантливые эльфы. Понятно ведь, что лучшие из лучших всегда оставались на родине, заботиться о благе и процветании Даллирии. Но мои соотечественники все равно вели себя так, будто каждый из них был по меньшей мере племянником светлейшего князя. И даже внутри самой группы единства не наблюдалось. Каждый был как будто сам по себе, относясь к окружающим прохладно и настороженно. Для эльфов такое поведение характерно, мы вообще по натуре одиночки, не спешим доверяться и дружить. Вот только я за время странствий по человеческим землям отвык от манер своих бывших сограждан. На радостях, что обрел в жизни хоть какое-то постоянство, проболтался о своем изгнании. И тут же стал парией. Нет, никто из эльфов, конечно, не плевал в мою сторону, не отворачивался, когда я входил в аудиторию. Но вокруг меня навсегда образовалась вежливая, ледяная пустота.

Неудивительно, что задирающие нос белокурые остроухие существа не вызывали у остальных студентов особой симпатии. В присутствии преподавателей никто не рисковал высказываться в наш адрес: правило о равенстве всех учащихся считалось одним из главных, и нарушивший его мог заработать серьезное наказание и даже исключение. А вот в перерывах между занятиями, пробираясь сквозь толпу студентов, можно было услышать у себя за спиной какие-нибудь глупые шутки или издевательские прозвища. Пять лет бродяжничества способны сбить любую спесь, даже эльфийскую. Так что особого неудобства нападки людей мне не доставляли, я их просто игнорировал. И до одного очень неприятного события у меня это получалось неплохо.

Произошло это еще в самом начале моего обучения. На большом перерыве я решил прогуляться по двору академии – осмотреть все получше или, может быть, посидеть где-нибудь в теньке. Глазая по сторонам в поисках удобного местечка под деревом, я споткнулся о камень и чуть не упал. Падение не состоялось из-за чьей-то широкой спины, в которую я врезался со всего размаха.

– Извините за мою неук... – хотел я загладить свою вину, но меня перебили:

– А, это опять ты! Юный агроном! Все никак не можешь успокоиться, ищешь приключений на свою ушастую голову!

Передо мной, окруженный подсмеивающимися друзьями, стоял тот самый черномазый красавчик, с которым я так неудачно столкнулся в коридоре в первый день своего пребывания в академии.

– Куда же ты спешишь, крестьянин? Нет уж, давай-ка побеседуем.

– Думаю, мне стоит откланяться. Я не хочу с вами ссориться...

– Да ну? – осклабился парень. – Из-за тебя в прошлый раз у меня были неприятности с Алишером. Так что сегодня я хочу поквитаться...

Отрывисто рассмеявшись, он послал в меня заклинание Воздушной стены. Перед долгим полетом, который мне должна была устроить эта волшба, я мог успеть лишь немного смягчить свое падение, сделав небольшой участок травы более упругим. В голове моментально сложилась нужная формула и... Воздушная стена, не достав меня, разбилась о магический щит. А его создатель – курносый

рыжеволосый парень – встал рядом со мной.

– Я вижу, вы нашли общий язык с моим другом Лэем? – сказал он, поигрывая вспыхнувшим в руке пульсаром. – Считаете нужным продолжить полемику? – Огненный шар в его ладони немного увеличился в размере.

Никто ему не ответил. Компания эльфоненавистников сочла за благо оставить нас в покое.

С этого дня началась наша дружба с Вили. Он тоже был первокурсником, но в отличие от меня уже прекрасно освоился в академии и обзавелся приятелями. Во многом это объяснялось его легким веселым нравом, благодаря которому он быстро сходился с людьми. Ну и не с людьми тоже. К тому же Вили был уроженцем Релота, поэтому многих учащихся знал еще до поступления. Что он во мне нашел и зачем вступился за меня – понятия не имею, но благодаря той приснопамятной драке я обрел настоящего друга.

В тот же вечер, обмывая нашу встречу, мы порядком надрались в одном местном кабачке. После этого так повелось, что каждые выходные проводились в каком-нибудь питейном заведении города. Немного покопавшись в памяти, мы припомнили все трактиры, рекомендованные ректором. Оказалось, Вили тоже проходил у него собеседование. Он-то и просветил меня, что, как правило, глава академии индивидуальных бесед с поступившими студентами не устраивает. А вот почему такая честь была оказана именно нам, Вили не знал.

В общем, выходные наши проходили очень весело. Правда, пару раз нам приходилось срочно менять место дислокации. После некоторых не очень красивых историй наши милые лица больше не хотели видеть в заведениях, где мы имели глупость напортачить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/udovichenko_maksim/izgnanniki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)